

Похождения Ирины Хожановой

Алишер
Таксанов

Алишер Таксанов

Похождения Ирины Хожановой

«Автор»

2026

Таксанов А. А.

Похождения Ирины Хожановой / А. А. Таксанов — «Автор»,
2026

Что произойдёт, если тайные эксперименты прошлого выйдут из-под контроля, а жажда власти столкнётся с нашествием зомби? Ирина Хожанова оказывается в центре невероятных событий, где дворцовые интриги, политические амбиции, секретные бункеры и сверхъестественная угроза сплетаются в смертельно опасный клубок. От сатирических зарисовок чиновничьего мира до апокалипсиса, охватившего Ташкент, — герои проходят путь через страх, предательство и борьбу за выживание. Ирония, гротеск и хоррор создают историю, в которой смех соседствует с ужасом, а финал оставляет вопрос: действительно ли кошмар закончился?

© Таксанов А. А., 2026

© Автор, 2026

Алишер Таксанов

Похождения Ирины Хожановой

ПОХОЖДЕНИЯ ИРИНЫ ХОЖАНОВОЙ

(Иронический хоррор)

(Действие происходит в параллельной Вселенной. Все совпадения в текущей реальности, включая имена и должности, исторические события являются исключительно случайными)

Содержание:

Пролог

Глава 1. Хожатхона-ханум

Глава 2. Паспортистка, кормящаяся с корыта

Глава 3. Тайна бункера

Глава 4. Тело за номером 10238

Глава 5. В Ок Сарая переполох

Глава 6. Новостная лента

Глава 7. Мирзияев в гневе

Глава 8. Гугушка проснулась

Глава 9. Дворцовые страсти

Глава 10. Дыханье гражданской войны

Глава 11. Зомби наступают

Глава 12. Оборона Ок-Сарая

Глава 13. Любовь Саодат-опы

Глава 14. Нейтрализатор угрозы

Эпилог

Пролог

13 сентября 1954 года. Кремль

Ночь над Москвой выдалась холодной и ветреной. Ветер гулял по кремлевским площадям, бился в окна старинных зданий и шевелил тяжелые портьеры в кабинетах, где еще горел свет. В одном из них, на верхнем этаже правительственного корпуса, уже несколько часов продолжалось совещание, о котором не знали ни министры, ни секретари ЦК, ни даже большинство людей из ближайшего окружения первого лица государства.

Кабинет был просторным, с высокими потолками и темными деревянными панелями на стенах. Здесь все казалось основательным и тяжелым: массивный письменный стол, шкафы с толстыми папками, бронзовые настольные лампы, кожаные кресла, плотные портьеры, не пропускавшие внутрь ни единого луча ночного света. На стенах висели портреты партийных вождей. Ленин смотрел со своего места сурово и внимательно, а рядом стояли несколько фотографий и картин, напоминавших каждому входившему сюда, кому принадлежала власть над огромной страной.

Однако сегодня кабинет производил совсем иное впечатление. В нем было душно, несмотря на прохладу за окнами. Пахло табаком, бумагой и каким-то резким химическим запахом, который, казалось, вьелся в одежду присутствующих. На краю стола стоял стакан с остывшим чаем, рядом лежала пепельница, доверху наполненная окурками.

В центре стола была разложена большая карта Оренбургской области. Она занимала почти всю поверхность. На ней были обозначены железные дороги, населенные пункты, воен-

ные гарнизоны, проселочные дороги и реки. Некоторые участки были перечеркнуты карандашом, другие обведены несколькими кольцами. Но особенно тщательно был отмечен один район. Тоцк.

Красный карандаш несколько раз прошелся по карте вокруг небольшого участка территории, словно человек, наносивший эти линии, хотел не просто обозначить его, а запереть внутри них что-то страшное.

За столом сидел Никита Сергеевич Хрущев. Он выглядел усталым и заметно старше, чем обычно. Плотное лицо, редкие седые волосы, тяжелые веки и широкие скулы казались еще более резкими в желтом свете настольной лампы. Пиджак сидел на нем аккуратно, но галстук был слегка сбит, а верхняя пуговица рубашки расстегнута. Хрущев уже давно снял очки и время от времени потирал переносицу, словно от головной боли. Однако всякий раз, когда взгляд его возвращался к карте, усталость исчезала, уступая место раздражению и тревоге.

Перед ним стояли генералы Генерального штаба и Министерства обороны СССР. Их было несколько человек, и все они старались держаться неподвижно, хотя напряжение выдавали мелочи: сжатые пальцы, нервные движения губ, редкие взгляды друг на друга. Среди генералов особенно выделялся седой военачальник с тяжелой фигурой и лицом, испещренным глубокими морщинами. Его грудь была буквально покрыта орденами и медалями — их было столько, что они напоминали елочные игрушки. Он участвовал в войне, прошел через несколько фронтов и привык докладывать о самых страшных вещах совершенно спокойно. Но сегодня и ему было нелегко.

Позади генералов стояли гражданские. Несколько академиков и научных работников, допущенных к этому закрытому совещанию. Их лица выглядели непривычно бледными. Они старались сохранять достоинство, но один из них то и дело поправлял очки, другой машинально терял край папки, а третий вытирал ладонью лоб. Казалось, все они понимали, что находятся здесь не для того, чтобы объяснить успех научного проекта, а для того, чтобы оправдаться за нечто такое, чему сами еще не нашли названия.

Наконец седой генерал тяжело вздохнул и заговорил:

— К сожалению, товарищ Жуков не справился. Его части столкнулись в Тоцком лабораторном корпусе с жестким сопротивлением людей-зэт. Потери трудно оценить, так как военнослужащие обращаются... — он на мгновение замялся, словно ему самому было противно произносить следующие слова, — хм... обращаются.

Хрущев поднял голову и медленно посмотрел на него.

— Во что обращаются?

Генерал промолчал. Тогда Никита Сергеевич перевел взгляд на гражданских. Лицо его стало еще бледнее, а в глазах появилось то выражение, которое заставляло людей нервничать сильнее любого крика.

— А вы что скажете, уважаемые умные головы?

Он произнес это почти спокойно, но голос его звучал зловеще. Пожилой академик, стоявший ближе всех, сделал шаг вперед. Это был сухощавый человек лет семидесяти с длинным лицом, высоким лбом и густой седой бородкой. Он носил круглые очки в тонкой металлической оправе, а из-под стекол на Хрущева смотрели усталые, воспаленные глаза. Его белый халат давно сменил темный костюм, однако привычка ученого постоянно держать в руках папку с бумагами осталась. Он прижал ее к груди и тихо произнес:

— Лаборатория достигла некоторых результатов, Никита Сергеевич.

— Это и есть результаты?

Хрущев резко ткнул пальцем в карту.

— Тысячи солдат погибли или еще хуже того... обратились! Зараза распространится по всей области, а потом по России, по всему Советскому Союзу! И что нам тогда скажут враги? Хрущев обещал коммунизм через двадцать лет — и вот, пришел такой коммунизм!

Академик беспомощно развел руками.

— Сама тема чрезвычайно сложная. Ни в одной стране мира нет подобных результатов. Даже близко нет.

— Значит, мы первые, — с горечью произнес Хрущев. — Вот только я что-то не вижу повода для гордости.

Он снова взглянул на карту. В этот момент из-за спин генералов раздался негромкий голос:

— КГБ подтверждает эту информацию.

Хрущев обернулся. Только теперь некоторые из присутствующих заметили серого, неприметного человека, стоявшего чуть в стороне. Он был невысок, худощав, одет в обычный серый костюм. Ни орденов, ни формы, ни каких-либо особых знаков отличия. В его внешности не было ничего примечательного, и именно поэтому взгляд невольно скользил мимо него. Такие люди могли часами находиться в комнате, не привлекая к себе внимания, а потом прозвучать одну фразу, после которой жизнь собеседника менялась навсегда.

— КГБ подтверждает, — повторил он. — В Соединенных Штатах, Великобритании, Японии и Канаде нет ничего, близкого к нашему результату.

Хрущев несколько секунд смотрел на него, потом отвернулся и поднялся из-за стола. Он начал ходить по кабинету, заложив руки за спину. Шаги глухо отдавались от деревянных стен. На одном из портретов Ленин смотрел куда-то поверх его головы. Лицо вождя революции было суровым и неподвижным, но в неровном свете лампы казалось, будто тень под бровями делает его взгляд еще тяжелее. Хрущев остановился перед портретом, поднял голову и несколько секунд молча смотрел на него.

— Сталин начал этот эксперимент, — наконец произнес он. — А мы пожинаем его плоды.

Никита Сергеевич медленно прошел к окну, но не стал раздвигать портьеру.

— Я на двадцатом съезде хочу рассказать об этом. Всю правду. Про ГУЛАГ, про репрессии, про Вторую мировую войну и про этот проект. Надо рассказать народу, чего он хотел добиться.

Никто не ответил. Серый человек слегка наклонил голову.

— Кстати, капсула с его телом находится именно там.

Хрущев остановился.

— Где?

— В Тоцком лабораторном корпусе. Мы перевезли ее из Мавзолея.

На лице Хрущева появилось выражение недоверия, смешанного с отвращением.

— Надеюсь, не этот труп сейчас возглавляет восстание?

Он резко обернулся. Академик растерянно посмотрел на генералов, потом снова на Хрущева.

— Мы... не знаем.

После этих слов стало тихо. Слишком тихо. Генералы молчали, не поднимая глаз. Академики выглядели так, словно мечтали исчезнуть из комнаты. Даже человек из КГБ некоторое время ничего не говорил.

Наконец седой генерал прочистил горло.

— Никита Сергеевич, нужно ваше разрешение на применение ядерного оружия.

Хрущев медленно повернул к нему голову:

— Ты с ума сошел? Бомбить собственных граждан?

— Увы, это уже не граждане, — твердо ответил генерал.

Эти слова повисли в воздухе.

— Это зэт-люди. Мы их закатали в бочки и сложили в Тоцке. Там тысячи бывших заключенных, которых использовали для экспериментов. Им нельзя покидать территорию. Это заразно.

Генерал говорил спокойно, но голос его звучал тяжелее с каждым словом.

— Синяя жидкость трансформирует организм. Мы пока не знаем пределов процесса. Если проявим слабинку, через неделю они могут быть под Москвой.

— Через неделю? — переспросил Хрущев.

— Возможно, раньше.

Никита Сергеевич медленно опустился в кресло. Он смотрел на карту, но уже словно не видел ее. Перед глазами стояло другое: Москва, зараженные города, армия, которая сама начинает превращаться в нечто неизвестное, паника, которую невозможно будет остановить никакими приказами. Он понимал, что медлить нельзя. Но применить ядерное оружие в центре собственной страны означало совершить поступок, который мог изменить историю Советского Союза навсегда.

Несколько минут никто не произносил ни слова. Наконец Хрущев поднял глаза.

— Официально это будут войсковые учения.

Генералы внимательно слушали.

— Назовем их «Снежок», — продолжил он после короткой паузы. — Сбросьте атомную бомбу. Уничтожьте все.

Он снова посмотрел на карту, на маленький красный круг вокруг Тоцка.

— Ответственность возложите на маршала Жукова.

— Есть! — почти одновременно ответили генералы.

Однако серый человек из КГБ не двинулся с места.

— А что делать с другими лабораториями?

Академики заметно оживились. До этого момента они стояли молча, но теперь стало ясно, что речь идет не только о судьбе лабораторий. За закрытыми дверями этих объектов находились годы работы, секретные материалы, оборудование и люди, которые слишком много знали.

Хрущев повернулся к ученым.

— Где еще есть?

Академик с бородкой тяжело сглотнул.

— Под Винницей, в Ташкенте и... строится объект в Нагорном Карабахе.

— Заморозить строительство, — приказал Хрущев. — Исследования продолжить, но в Ташкенте и на Украине.

Он снова сел за стол и взял карандаш.

— Перевезти остатки материалов. Бочки тоже. Все, что можно сохранить, отправить туда.

Академик нерешительно спросил:

— А Тоцк?

Хрущев поднял глаза.

— Тоцка больше не существует.

Никто не ответил. Он поставил карандаш на карту и провел им по красному кругу, словно перечеркивая его.

— Жду результаты.

За окнами снова завыл ветер...

14 сентября. Оренбургская область

В 9 часов 34 минуты самолет-носитель Ту-4, шедший на высоте восьми тысяч метров, вышел на расчетный курс. Внизу, под тонкой пеленой облаков, лежал Тоцкий полигон. Отсюда, с земли, самолет казался едва различимой черной точкой в безоблачном сентябрьском небе. Никто из наблюдавших за ним не мог увидеть того, что происходило внутри лабораторного

корпуса, и никто уже не пытался выяснить, сколько людей там осталось. Приказ был отдан, и теперь оставалось только исполнить его.

Бомба РДС-2 отделилась от самолета и начала стремительно падать. Через сорок восемь секунд она взорвалась на высоте трехсот пятидесяти метров над землей, отклонившись от расчетной точки на двести восемьдесят метров к северо-западу.

На мгновение ничего не произошло. А затем над землей вспыхнуло солнце. Вспышка была настолько ослепительной, что наблюдатели, находившиеся далеко от эпицентра, инстинктивно отвернулись и закрыли лица руками. Бело-желтый свет залил степь, вырвав из темноты каждую травинку, каждую машину, каждое дерево. Казалось, на несколько секунд наступил день, только это был какой-то неправильный, мертвый день, рожденный не из рассвета, а из огня.

Затем пришел удар. Воздух словно превратился в стену и с чудовищной силой обрушился на землю. Грохот прокатился по полигону, заставляя дрожать броню танков и стекла наблюдательных машин. Земля вздыбилась, деревья пригнуло к земле, а здания лабораторного комплекса исчезли в ослепительном клубящемся облаке пыли, огня и раскаленных обломков.

Тоцкий лабораторный корпус перестал существовать почти мгновенно. Массивные стены, рассчитанные на то, чтобы выдерживать обычные взрывы, не выдержали. Перекрытия рухнули внутрь, бетон раскололся, металлические конструкции согнуло и отбросило на десятки метров. Внутри лабораторий вспыхнули оборудование, мебель, кабели, архивы и химические материалы. То, что еще секунду назад было коридорами, камерами, операционными и помещениями для экспериментов, превратилось в раскаленное месиво.

Люди, находившиеся внутри, не успели даже понять, что происходит. Вспышка испепелила одних, ударная волна разорвала других и погребла под обломками. Те, кто находился в камерах содержания, исчезли вместе со своими клетками. Человекоподобные существа, которых ученые называли людьми-зэт, сгорели среди металлических конструкций и бетона, а вместе с ними погибли лабораторные животные, охрана, технический персонал и те заключенные, которых еще недавно привозили сюда вагонами и грузовиками.

Огонь пожрал все. Бочки с синей жидкостью лопались одна за другой, их содержимое смешивалось с землей и водой. Стекланные колбы плавилась, металлические шкафы коробились, а документы, на которых годами записывали результаты экспериментов, превращались в пепел. В подземных помещениях рушились стеллажи, лопались герметичные контейнеры, обрывались трубы и кабели. В некоторых камерах огонь продолжал бушевать даже тогда, когда над поверхностью уже поднялся огромный столб пыли.

Через несколько секунд на месте лабораторного корпуса осталась только черная, дымящаяся земля. Над ней поднималось огромное облако, медленно разраставшееся в высоту. Его нижняя часть была темной и багровой, а верхняя уходила в небо, становясь все светлее. Степь вокруг эпицентра была изуродована взрывом. Там, где еще утром стояли здания, теперь лежали обломки и горела земля.

Маршал Георгий Константинович Жуков наблюдал за происходящим с командного пункта. Он стоял неподвижно, держа в руках бинокль, и смотрел на то, что еще недавно называлось лабораторным комплексом. Вокруг него молчали офицеры. Никто не праздновал. Это не было победой. По крайней мере, пока.

Жуков опустил бинокль и несколько секунд смотрел на дымящийся горизонт. Затем резко повернулся к командирам.

— Армии — вперед! Проверить, что там осталось. Что осталось — уничтожить!

Команда мгновенно пошла по цепочке. Через несколько минут вперед двинулись танковые колонны. Тяжелые машины медленно ползли по изуродованной взрывом степи, ломая гусеницами обугленные деревья и переворачивая куски бетона. Их башни были развернуты

в сторону развалин. За танками двигались бронетранспортеры, инженерные машины и грузовики, а следом шла пехота.

Солдаты шли молча. Никого уже не смущали показания приборов. Пятьдесят рентген в час. Цифра, от которой любой врач в мирной обстановке пришел бы в ужас, здесь воспринималась почти как очередная строка в боевом приказе. Люди затягивали ремни, поправляли противогазы и продолжали двигаться вперед. Многие не понимали, что именно означает показание дозиметра. Другие понимали слишком хорошо, но старались об этом не думать.

Приказ был прост: войти в зону поражения, обследовать развалины и уничтожить все, что могло уцелеть. Именно это они и собирались сделать. Потому что теперь существовала только одна цель — не допустить выхода из Тощка ни одного существа.

Война закончилась девять лет назад, но люди, прошедшие ее, знали: иногда перед тобой возникает враг, с которым невозможно договориться. С ним нельзя заключить перемирие, его нельзя заставить сложить оружие и нельзя убедить в ошибочности его убеждений.

Его можно только уничтожить. То, что находилось под землей Тощкого полигона, казалось страшнее всего, с чем человечеству уже приходилось сталкиваться. Страшнее «коричневой чумы», страшнее фашизма, страшнее любой армии, которую можно было разбить танками и артиллерией. Фашизм имел идеологию, государство, армию и людей. У него были города, штабы и линии фронта. Его можно было разгромить и заставить капитулировать.

Здесь ничего подобного не существовало. Здесь была болезнь, которая могла научиться ходить. Она могла менять человека, сохранять его память, его голос, его способность говорить и, возможно, его способность думать. Она могла превратить погибшего в нечто, что снова поднималось на ноги. А если верить последним донесениям из лаборатории, процесс не заканчивался даже после смерти.

Именно поэтому солдаты шли вперед. Не ради территории. Не ради наград. Не ради победного салюта. Они должны были уничтожить то, что угрожало всему человечеству, пока оно еще находилось в пределах нескольких квадратных километров.

Жуков снова поднял бинокль. Передовые танки уже вошли в зону разрушения. Их гусеницы прошли по черной земле, усеянной обломками. Где-то еще горели отдельные здания. Из-под земли поднимался пар, смешанный с дымом и радиоактивной пылью.

Вдруг один из солдат остановился. Он что-то увидел. Из груды бетонных плит торчала человеческая рука.

Сапер подошел к ней и осторожно начал расчищать завал. Потом замер. Рука была мертвой. Но пальцы двигались. Сначала едва заметно. Затем сильнее. Солдат медленно поднял голову.

Из-под земли донесся глухой скребущий звук. А затем второй. И третий.

Танки продолжали двигаться вперед, а пехота шла следом, еще не понимая, что ядерный взрыв не закончил операцию. Он ее только начал. И среди людей уже существовало единственное правило, которое никто не решался произнести вслух: жизнь живых ничего не значила. Главное — не дать мертвым подняться.

Глава 1. Хожатхона-ханум

Комната была не просто обшарпанной — она была грязной с какой-то почти государственной основательностью, словно грязь здесь не возникла в результате запущенности, а была утверждена отдельным постановлением и занесена в реестр культурного наследия. Воздух стоял тяжелый, густой, многослойный. В нем одновременно уживались запах вчерашнего плова, протухших котлет, кислого пота, дешевого табака, старого самогонного перегара и чего-то такого, что давно перестало быть живым, но еще не решилось окончательно стать историей.

По комнате лениво кружили мухи. Они чувствовали себя здесь полноправными жильцами и даже, судя по всему, не платили коммунальных платежей. На немых тарелках, покрытых засохшими разводами жира, лежали котлеты, превратившиеся в темные, сморщенные комочки неизвестного происхождения. Рядом с ними сохли куски лепешки, пожелтевшие огурцы и ложки, на которых уже образовалась такая пленка, что при желании их можно было использовать вместо строительного материала.

Из углов доносилось деловитое шуршание. Там хозяйничали крысы. Они появлялись преимущественно по ночам, но иногда, осмелев, выходили и днем — особенно когда слышали звук открывающейся кастрюли. Самые крупные из них давно перестали бояться людей и смотрели на жильцов с выражением, в котором читалось не столько любопытство, сколько укор: мол, мы-то еще стараемся держать квартиру в приличном состоянии, а вы что творите?

Занавески когда-то, вероятно, были белыми. Теперь они имели неопределенный серо-желтый оттенок, напоминавший цвет старой больничной простыни. В ткани зияли многочисленные дырки, причем некоторые были настолько большими, что через них можно было наблюдать улицу, не отодвигая занавеску. На поверхности ткани лежал толстый слой пыли, накопившейся, казалось, за несколько геологических эпох. В отдельных местах пыль была просалена и потемнела. По характерным отпечаткам можно было догадаться, что кто-то регулярно вытирал об занавески грязные руки. Видимо, чистота рук считалась здесь менее важной, чем сохранность мыла.

В центре комнаты стоял диван с провалившимся сиденьем. Его пружины давно вышли из строя и теперь торчали наружу, как ржавые ребра какого-то металлического животного. Обивка была порвана и имела цвет, который трудно было назвать иначе, чем цветом поноса. Причем цвет был настолько насыщенный и убедительный, что всякий раз, когда на диван падал солнечный луч, становилось совершенно непонятно, испачкан ли он на самом деле или просто очень старательно изображает испачканный.

У стены стояли три стула. Один покосился вправо, другой влево, а третий, очевидно, давно потерял всякую веру в вертикальное положение и держался исключительно из чувства ответственности перед семьей.

Стол представлял собой тяжелую деревянную конструкцию, покрытую царапинами, пятнами и следами многолетней борьбы с человеческой жизнедеятельностью. На нем лежали пачка дешевых сигарет, несколько пустых бутылок, газета трехдневной давности, засохший кусок хлеба и раскрытая алюминиевая кастрюля, из которой доносился слабый, но настойчивый запах вчерашнего плова.

Особое место в этой композиции занимал шкаф. Он был старый, темно-коричневый, с перекошенной дверцей и ручкой, которую приходилось поворачивать с таким усилием, будто открывалась не дверца, а сейф государственного банка. Внутри стояли книги. На одной полке теснились труды Карла Маркса. Корешки некоторых томов были потрепаны, но сами книги почему-то выглядели почти торжественно. Рядом стояли учебники по анатомии — человеческой, патологической и какой-то настолько старой редакции, что отдельные изображения органов уже выглядели как карты исчезнувших государств.

Следующая полка была занята учебниками по юриспруденции. Конституционное право, уголовное право, административное право, комментарии к кодексам. Книги стояли ровными рядами, будто здесь действительно собирались заниматься законностью.

Но главная коллекция находилась на верхних полках. Там, словно драгоценные реликвии, покоились томики Ислама Каримова. Все — в юбилейных изданиях. Толстые, нарядные, с золотистыми буквами и торжественными обложками. Они выглядели так, словно их готовили не для чтения, а для демонстрации проверяющей комиссии. Некоторые книги были совершенно нетронутыми. На других лежал такой слой пыли, что при желании можно было определить, в каком году последний раз открывалась каждая.

В комнате эти книги выполняли сразу несколько функций. Они служили литературой, украшением, доказательством благонадежности и, при необходимости, тяжелым предметом, которым можно было подпира́ть дверь.

На стене, покрытой протекшими обоями цвета сиреновой тоски и хронического уныния, висел плакат. На нем прежний президент Узбекистана, изображенный с торжественной улыбкой, обнимал нескольких счастливых детей. Дети улыбались так широко, словно им только что сообщили, что завтра отменяется понедельник. Позади сияли небоскребы, развевался флаг, где-то зеленели деревья, а над всем этим голубым небом торжественно парила надпись: «Узбекистан — государство с великим будущим!»

Плакат был приклеен к стене настолько прочно, что, казалось, переживет не только ремонт, но и сам дом. За окном, однако, находилось другое государство. Разбитая дорога была исполосована ямами, которые после каждого дождя превращались в маленькие самостоятельные водоемы. Вокруг стояли серые хрущевки с облупившимися фасадами и балконами, где сушилось белье, копились старые вещи и иногда висели ковры, пережившие несколько эпох.

За домами торчали трубы котельной. Они чадили черным дымом, который медленно расплзался над кварталом, придавая небу тот самый оттенок, который обычно возникает, когда природа окончательно сдается перед коммунальным хозяйством. Фонарные столбы стояли криво. Некоторые лампы не горели. Другие горели даже днем — видимо, от отчаяния.

А напротив возвышался огромный транспарант. На нем уже был изображен новый президент — Шавкат Мирзиёев. Он стоял в уверенной позе, слегка протянув руку куда-то вдаль, туда, где художник поместил сияющий символ будущего. За президентом поднимались белые здания, стеклянные башни, зеленые парки и какие-то совершенно неправдоподобно чистые улицы. Вдали сияли золотые купола, развевались флаги, а над горизонтом, словно новое солнце над древней цивилизацией, крупными буквами было написано: «ТРЕТИЙ РЕНЕССАНС»

Рука президента указывала прямо туда. К сожалению, направление руки совпадало с направлением на ближайшую мусорную площадку.

Под плакатом на стене висел синий диплом. Он был прибит самым настоящим гвоздем — прямо через верхний угол, так что документ имел слегка перекошенный вид. Под стеклом, покрытым изнутри мутными разводами, можно было прочесть, что Ирина Хожанова окончила Ташкентский государственный университет по специальности «юриспруденция».

Внизу красовались подписи, печать и герб Узбекской ССР — торжественное свидетельство того, что образование Ирины началось еще в ту эпоху, когда государственные учреждения любили особенно крупные печати. Особенно хорошо диплом сохранялся с правой стороны.

Слева он выглядел почти прилично. Справа же на нем красовалась огромная клякса томатной пасты. Она расплзлась по бумаге багровым островом, захватив часть текста на узбекском языке. Казалось, историческая судьба документа в какой-то момент столкнулась с тарелкой макарон или очередной порцией кетчупа — и диплом проиграл. Именно под этой кляксой торжественно продолжалась официальная формулировка на узбекском.

Получалось символично: образование имелось, юридическая квалификация имелась, диплом имелся — а вот государственный язык документа был частично покрыт томатной пастой.

Впрочем, Ирину это совершенно не беспокоило. Сама обладательница диплома в этот момент сидела на стуле. Вернее, она сидела на нем всем своим существом.

Пятидесятипятилетняя Ирина Хожанова уткнулась лицом в тарелку с пловом и спала. Плов был еще относительно свежим, и потому тарелка пока не протестовала.

Ирина храпела так, словно в ее грудной клетке работал небольшой железнодорожный вокзал. Каждый вдох сопровождался низким гудением, каждый выдох — протяжным сипением. Иногда храп внезапно переходил в короткий свист, после чего следовал особенно мощный вздох, от которого ближайшая муха взлетала с тарелки и пересаживалась на стену.

Это была крупная, очень жирная и крайне неухоженная женщина. На ее коже проступали многочисленные пятна возраста, перемежавшиеся с пятнами непонятного происхождения. Волосатые ноги были выставлены из-под засаленного домашнего халата и выглядели так, будто природа решила компенсировать недостаток растительности на голове чрезмерным энтузиазмом в другом месте.

Грудь у Ирины была огромной и совершенно не желала подчиняться требованиям современной легкой промышленности. Лифчик, судя по всему, давно признал поражение и выполнял теперь чисто символическую функцию.

Лицо отличалось той выразительностью, которую обычно приобретают люди, долгие годы сочетавшие плохое питание, отсутствие сна, крепкий алкоголь и полное равнодушие к косметологии.

Нос у нее был картошкой. Глаза — выпуклые, внимательные даже во сне и слегка навывкате. Губы — огромные, рыхлые, жабоподобные. Когда Ирина разговаривала, они двигались с такой самостоятельностью, словно жили отдельной политической жизнью.

Особое впечатление производили волосы. Они были черными, густыми и настолько давно не знали шампуня, что успели приобрести собственную систему смазки. Жир на них блестел при свете лампы. Ирина неоднократно утверждала, что это природный блеск.

— Волосы должны быть здоровыми, — говорила она соседкам. — А здоровые волосы без жира не бывают.

При этом, судя по внешнему виду, жира хватило бы не только на волосы. Им можно было бы заправить небольшую сковороду.

Пухлые пальчики Ирины были украшены кольцами. Железо с позолотой, дешевое, но внушительное. На каждом пальце что-нибудь поблескивало.

— Сусальные, — любила говорить Ирина. — Как купола русской православной церкви.

А потом добавляла, понижая голос до доверительного шепота:

— Такое, между прочим, носит сам святой Гундяй.

Откуда у нее была эта информация, никто не знал. Но спорить с Ириной было бесполезно. Она относилась к своим сведениям как к судебным доказательствам: если сказала — значит, так и было.

Фигура Хожановой поддавалась описанию с некоторыми затруднениями. Из всех известных геометрических фигур наиболее точно ее размеры, объем и архитектурную композицию описывало определение: «квадрат, переходящий в прямоугольник». Причем переход происходил постепенно и без четкой границы.

Домашние тапочки времен Наполеона имели сорок шестой размер. Они больше напоминали лыжи, чем обувь, но зато полностью вмещали ступни Ирины и позволяли ей передвигаться по квартире, не рискуя задеть пол босой пяткой.

Ирина спала. Она вообще спала с удивительным чувством собственного достоинства. Вчера вечером она вместе с соседкой распила бутылку самогона. Потом они решили, что бутылки недостаточно, а потому начали петь. Сначала пели тихо. Потом громче. Потом уже на весь Чиланзар.

Главным произведением вечера стал «Вечерний звон». Почему именно эта песня показалась женщинам подходящей для двух часов ночи, осталось неизвестным. Но исполняли они ее с таким душевным надрывом, будто собирались одновременно проводить в последний путь царскую Россию, Советский Союз и всех соседей по подъезду.

После третьего куплета кто-то вызвал участкового. Явился старший лейтенант Ибрагимов. Он был худощавым мужчиной с усталым лицом, аккуратно подстриженными усами и выражением человека, который уже давно понял: служба в милиции заключается не в борьбе с преступностью, а в бесконечном объяснении очевидных вещей людям, которые не хотят их понимать. На голове у него сидела фуражка, слегка набок.

Ибрагимов долго стоял посреди комнаты, смотрел на Ирину и пытался понять, с какого именно места следует начинать воспитательную беседу. Наконец сказал:

— Гражданка Хожанова, двенадцать часов ночи. Люди спят.

Ирина посмотрела на него мутным взглядом.

— Ну?

— Нельзя шуметь.

— Почему?

— Потому что ночь.

— А днем можно?

Ибрагимов прикрыл глаза.

— Днем тоже нельзя до бесконечности.

— Значит, можно.

— Я не это сказал.

Ирина ткнула в его сторону пальцем.

— Слышишь ты, летёха, я-то из вашей системы. Я из ОБОБа. Так что не тревожь меня, а то будешь иметь дело с моим начальником. Ты знаешь его?

Ибрагимов знал. И это было самое неприятное. Он действительно знал начальника Ирины. На лице старшего лейтенанта мгновенно появилась та особая смесь уважения, осторожности и желания оказаться как можно дальше от происходящего, которую государственные служащие приобретают после нескольких лет практической работы.

— Ну... хорошо, — сказал он.

— Что хорошо?

— Ничего.

— Вот и иди.

Ибрагимов ушел.

Через пять минут Ирина снова запела. На этот раз она перешла на другую песню, а потом, не удовлетворившись собственным репертуаром, принялась импровизировать, смешивая мотивы советских застольных песен с церковными напевами и какими-то совершенно непонятными куплетами собственного сочинения. Голос у нее был такой, будто по ржавой водосточной трубе пытались протащить металлическую кастрюлю. Однако сама Ирина считала себя выдающейся певицей и время от времени, прерывая пение, спрашивала у соседки, достаточно ли «душевно» она исполняет. Соседка, уже давно утратившая способность различать душевность и акустическую катастрофу, неизменно отвечала, что очень душевно.

Кошки, обитавшие в ближайших дворах, после первых же куплетов начали разбегаться в разные стороны. Те, что ночевали на крышах гаражей, спускались на землю и исчезали между машинами; те же, кто оказался слишком далеко от спасительного укрытия, неподвижно сидели, прижав уши, и смотрели на окна Хожановой с выражением глубочайшего животного отчаяния. Одна рыжая кошка, жившая возле мусорных баков и до этого считавшая себя хозяйкой целого двора, после особенно высокой ноты Ирины бросила недоеденный кусок рыбы и скрылась под припаркованным «Жигуленком». Бродячие собаки, обитавшие в арыках, подвалах и возле теплотрассы, сначала ответили на пение одним протяжным воем, затем к нему присоединились еще несколько голосов, и вскоре над Чиланзаром установился такой собачий концерт, что уже невозможно было понять, где заканчивалась Ирина и начинался квартал.

Ирина была женщиной известной. Соседи называли ее не иначе как Хожатхона-ханум, причем в этом обращении смешивались уважение, страх, насмешка и желание поскорее закончить разговор. Никто толком не помнил, откуда взялось такое прозвище. Сама Ирина объясняла его по-разному, в зависимости от собеседника и количества выпитого. Иногда она говорила, что «Хожатхона» — это почти титул, иногда уверяла, что так ее величали еще в университете, а однажды заявила, что это старинное боевое имя, полученное от «одного очень

важного человека». Ни один из вариантов проверить не удалось, поэтому в конце концов все остановились на самом простом: если женщина способна одним телефонным звонком испортить человеку неделю, месяц или, при удачном стечении обстоятельств, карьеру, значит, имя Хожатхона ей вполне подходит.

Известна же она была прежде всего тем, что состояла в ОБОБе — Отряде боевых баб, полуполюгендарной структуре, существовавшей где-то между государственным аппаратом, милицией, коридорами и тем особым пространством, где официальная власть предпочитает не оставлять письменных следов. В лучшие годы это была серьезная организация, несмотря на свое почти комическое название. Ее использовали там, где требовалось воздействовать на людей не приказом, не законом и даже не угрозой, а шумом, скандалом, унижением и тщательно организованным бытовым хаосом.

Боевые бабы обладали одной важной особенностью: они могли превратить любую ситуацию в нечто такое, от чего нормальный человек предпочитал отойти как можно дальше. Если требовалось сорвать собрание, они появлялись на пороге и начинали выяснять, кто именно здесь «оскорбляет народ». Если нужно было дискредитировать журналиста, возле его редакции неожиданно возникала женщина, которая с пеной у рта рассказывала случайным прохожим, что этот самый журналист якобы предлагал ей выйти за него замуж, а после отказа начал преследовать ее. Если требовалось спровоцировать бизнесмена, ему могли устроить сцену в ресторане, после которой выяснялось, что он, оказывается, «ударил женщину», хотя женщина эта сама минутой раньше разбила о его голову тарелку.

Впрочем, наиболее тонкие операции требовали не только громкого голоса, но и определенной актерской подготовки. Боевые бабы могли рыдать, изображать обморок, хвататься за сердце, кричать о защите семьи и традиций, вызывать милицию и тут же жаловаться милиции на саму милицию. Они писали заявления, в которых совершенно невинная фраза превращалась в угрозу государственной безопасности, а обычная ссора на лестничной площадке приобретала признаки организованного политического заговора. Особенно талантливые могли добиться того, чтобы человек, еще утром считавшийся уважаемым преподавателем или предпринимателем, к вечеру уже объяснял следователю, почему возле его квартиры оказался пакет с чем-нибудь крайне подозрительным.

Ирина считалась специалистом широкого профиля. Ее ценили за выносливость, отсутствие стыда и редкую способность не забывать заранее придуманные подробности. Она могла часами кричать на человека, не повторившись ни разу, могла одновременно оскорблять его, плакать и обвинять в том, что он якобы довел ее до слез, а затем с удивительной деловой точностью изложить в письменном заявлении совершенно другую версию произошедшего. Особенно хорошо у нее получались публичные скандалы. Стоило только кому-нибудь из правозащитников появиться на собрании, как через несколько минут рядом возникала Ирина с таким выражением лица, будто именно этот человек только что лично объявил войну ее семье, ее родине и всему содержимому ее холодильника.

За подобную преданность делу полагались государственные благодарности. Боевые бабы получали почетные грамоты, памятные подарки, юбилейные книги и иногда денежные премии. Книги Ирина особенно любила, хотя читала далеко не все. Она предпочитала получать их в красивых переплетах, ставить на видное место и показывать гостям. Со временем ее шкаф пополнился целой коллекцией изданий, посвященных государственным деятелям, истории независимого Узбекистана и достижениям национальной политики. Большинство из них выглядело так, словно никогда не открывалось, зато на каждой обложке можно было разглядеть следы пальцев Ирины, когда она брала книгу с полки и объясняла очередному посетителю, насколько близка она была к людям, чьи портреты там помещены.

Особенно гордилась она своей принадлежностью к старой школе ОБОБа. В те годы, когда имя Ислама Каримова произносилось в стране с особой интонацией, а политическая

система отличалась железной нелюбовью к любому самостоятельному движению снизу, такие женщины были чрезвычайно полезны. Они могли делать то, что официально сотруднику было неудобно делать в форме, и произносить то, что чиновнику было нежелательно произносить вслух. Их сила заключалась именно в отсутствии видимой связи с государством. На бумаге они были обычными гражданками, возмущенными матерями, соседками, тетусками и просто случайными женщинами, которым «стало безразлично». На деле же многие из них прекрасно знали, кому позвонить, куда сообщить и возле какого кабинета постоять, чтобы нужному человеку стало неудобно.

Ирина считала эти времена лучшими в своей жизни. Она вспоминала их с той же нежностью, с какой другие люди вспоминают молодость, университетские годы или первую любовь. Правда, в ее воспоминаниях почему-то никогда не было страха, сломанных судеб и людей, которые после встреч с ОБОБом предпочитали уехать из страны. Зато там неизменно присутствовали торжественные мероприятия, длинные столы, подарки, благодарности и начальники, пожимающие ей руку. Ирина очень любила, когда начальство пожимало ей руку. Она воспринимала это как доказательство собственной исторической значимости.

Но в этот раз государство проявило к ней неблагодарность. Накануне в газете «Народное слово» был опубликован длинный список лиц, награжденных орденами и медалями, удостоенных почетных званий и иных знаков признания. Ирина прочитала его утром, еще до завтрака. Потом перечитала после завтрака. Затем достала очки, хотя прекрасно видела и без них, и просмотрела список в третий раз, внимательно ведя пальцем по строчкам.

Фамилии Хожановой не было. Это известие произвело на нее впечатление, сравнимое разве что с известием о внезапной отмене праздника плова. Ирина несколько минут сидела неподвижно, держа газету обеими руками, а затем спросила у соседки, не могла ли она случайно пропустить свою фамилию. Соседка посмотрела список и осторожно сказала, что, кажется, действительно не было. После этого Ирина спросила, может быть, ее фамилия напечатана в другом разделе. Они просмотрели весь номер. Потом следующий. Затем Ирина позволила еще двум знакомым, которые подтвердили то же самое.

Ее не наградили. А ведь подполковник Надир Туракулов, начальник ОБОБа, лично обещал ей орден «Шон-шарафлар» второй степени. Обещание было дано в присутствии нескольких человек, за праздничным столом, после третьей бутылки коньяка, но Ирина считала это обстоятельство не смягчающим, а, наоборот, усиливающим его юридическую силу. Она прекрасно помнила каждое слово Туракулова и особенно хорошо помнила сумму, которую передала ему после разговора.

Деньги Туракулов взял. Орден не дал. Сначала Ирина решила, что произошла техническая ошибка. Потом предположила, что награждение перенесли. Затем стала подозревать заговор. К вечеру она уже пришла к окончательному выводу, что ее предали.

Самое страшное заключалось даже не в самом ордене. Ирина привыкла к тому, что начальники обещают одно, делают другое, а потом объясняют третье. Но она считала, что после стольких лет службы ей хотя бы положено официальное признание. Она хотела увидеть свою фамилию в газете, чтобы соседки завидовали, чтобы родственники звонили, чтобы кто-нибудь из молодых боевых баб сказал: «Вот это женщина! Вот как надо работать на государство».

Вместо этого газета лежала перед ней, а среди награжденных были люди, о которых Ирина никогда не слышала. Это она сочла личным оскорблением. Поэтому она пила.

Она пила не от радости и не от праздника, а из чувства глубокой государственной обиды. К вечеру к самогону добавилась злость, к злости — воспоминания, к воспоминаниям — соседка, а к соседке — песня. Сначала Ирина жаловалась на Туракулова, потом на наградную комиссию, затем на газету, после чего перешла к более широким вопросам государственной политики. В конце концов она заявила, что в этой стране никто не умеет ценить настоящих профессионалов.

После чего налила себе еще стакан. К полуночи о том, что Хожатхона-ханум снова пьет из-за ордена, знал уже весь квартал. Знали старухи на лавочке, знали мужчины возле магазина, знали дети, которым было велено не подходить к ее двери, и знали даже те собаки, которые обычно ночевали в соседнем дворе. Каждый в Чиланзаре имел собственное мнение о том, почему Ирине не дали награду. Одни считали, что Туракулов присвоил деньги. Другие полагали, что он собирался наградить кого-то другого. Третьи утверждали, что Ирина сама виновата, потому что слишком много требовала. Но все сходились в одном: если Хожатхона-ханум начала пить с горя, значит, скоро будет шумно.

И действительно, было шумно. А теперь, когда утро уже начинало сереть за грязными занавесками, Ирина продолжала спать лицом в тарелке с пловом, словно всю ночь не она устраивала музыкальный фестиваль на весь квартал, а кто-то другой.

На подоконнике сидела та самая рыжая кошка, которая вернулась после ночного бегства. Она осторожно заглянула в комнату, посмотрела на спящую Ирину, на пустую бутылку самогона, на тарелку плова, на диплом юриста с томатной кляксой и, видимо, решила, что опасность миновала.

В этот момент в дверь постучали. Ирина не проснулась. Постучали еще раз. Она продолжала храпеть. Тогда за дверью раздался мужской голос:

— Ирина Хожанова, открывайте. Это я.

Храп на секунду прекратился. Потом из-под тарелки донеслось сонное:

— Кто?

— Туракулов.

Ирина медленно подняла голову. На ее лице остался отпечаток плова. Она посмотрела на дверь. Потом на газету. Потом на свой диплом. И впервые за всю ночь окончательно протрезвела.

Она взяла скалку и, шатаясь, направилась к двери. Злость в ней кипела так яростно, что, казалось, при соответствующем подключении ее можно было использовать вместо ядерного источника в реакторе: достаточно было поставить Ирину рядом с турбиной, и та немедленно выдала бы несколько мегаватт энергии. Хожатхону колотило от волосатых ног до огромной груди, голова моталась из стороны в сторону, а скалка в руке покачивалась с такой решительностью, будто была не кухонным инструментом, а штатным оружием подразделения особого назначения.

Когда-то Ирина действительно была юристом. Более того, она считала себя неплохим адвокатом. Она знала статьи, умела разговаривать с судьями, могла с невозмутимым лицом цитировать процессуальные нормы и даже иногда добивалась оправдательных решений. Но юридическая практика требовала терпения, аккуратности, работы с документами и, что особенно неприятно, постоянного общения с клиентами, которые почему-то хотели, чтобы адвокат действительно защищал их интересы. А потом в ее жизни появился Надир Туракулов.

Сначала он проявлял к Ирине интерес как начальник к перспективному сотруднику. Потом — как мужчина к женщине. А затем, после нескольких весьма двусмысленных встреч с плотным интимом, предложил ей оставить адвокатскую практику и перейти на милицейскую службу. Разговор этот состоялся поздним вечером, когда Туракулов, уже достаточно близко познакомившись с характером Ирины, решил сделать ей предложение, от которого, как он полагал, она не сможет отказаться.

— Нам нужны крепкие и доверенные женщины, — нежно ворковал он, сидя рядом и поглаживая ее по бедру, хотя в случае с Ириной определить точное местонахождение бедра было задачей, требовавшей определенной геометрической подготовки. — Ты прекрасный кандидат в ОБОБ. А там, может, через годик-другой я сделаю тебя старшей. Это, между прочим, фактически полковничья должность.

Ирина насторожилась.

— ОБОБ?

— Отряд боевых баб, — пояснил Набир с таким видом, будто произносил название академии наук. — Сформирован по секретному указанию самого Ислама Каримова. Специальные операции против врагов государства! Загранкомандировки! Премии! Бесплатный проход в «Ок-Сарай»! Обеды в столовой Дворца международных форумов! Специальная форма — почти как у Gucci и Сен-Лорана, только гораздо практичнее! Турция, КНДР, Иран! Представляешь?

От такого количества перспектив Ирине стало трудно устоять. Она сразу представила себе заграничные командировки, служебные удостоверения, закрытые приемы, казенные автомобили, конверты с премиями и бесплатные обеды, а потому уже через несколько недель окончательно оставила адвокатскую практику вместе с клиентами, которые продолжали почему-то требовать от нее соблюдения закона, и перешла в ОБОБ.

Работа ей понравилась сразу. Она удивительным образом соответствовала ее характеру, темпераменту и представлениям о справедливости. Правда, слово «культура» применительно к ОБОБу употреблялось только в отчетах начальства, где писалось о «высокой культуре поведения личного состава». В действительности же туда требовались женщины мелочные, сварливые, высокомерные, злопамятные, скандальные и совершенно не боящиеся ни крика, ни грубости, ни публичного позора. Особым преимуществом считалось знание ненормативной лексики в полном объеме, включая такие редкие выражения, которые обычный человек мог услышать только на коммунальной кухне после двух часов ночи.

Ирина быстро стала настоящим специалистом. Она могла послать человека куда угодно, не повторив ни одного слова дважды, могла за минуту придумать десять оскорблений, а если требовалось, переходила на такую разновидность народной филологии, что даже опытные сотрудники милиции предпочитали записывать происходящее в протокол как «нецензурную брань в особо крупных размерах». В толпе она чувствовала себя как рыба в воде. Стоило ей появиться на демонстрации, пикете или шествии, как спокойное мероприятие постепенно превращалось в нечто совершенно противоположное тому, ради чего люди туда пришли.

Обычный пикет, где несколько граждан мирно держали плакаты, после появления боевых баб мог превратиться в скандал, затем в толкотню, а через несколько минут — в настоящее побоище. Кто-нибудь обязательно начинал кричать, кто-нибудь толкал другого, появлялись сотрудники милиции, затем следовали задержания, протоколы, отделение, административный суд и традиционные пятнадцать суток для гражданских активистов. На следующий день в официальных документах все выглядело аккуратно: «нарушение общественного порядка», «неповиновение законным требованиям сотрудников правоохранительных органов», «мелкое хулиганство». О том, кто первым начал провокацию, документы предпочитали не вспоминать.

Зато Ирина вспоминала. За удачно проведенную операцию ей полагалась премия. Иногда это были деньги, иногда грамота, иногда очередная юбилейная книга, а иногда — особенно если операция проходила накануне большого праздника — несколько пакетов с едой из ресторана «Ок-Сарай». Пакеты были тяжелые, нарядные и пахли так, словно внутри находилась сама государственная стабильность. Там могли оказаться контейнеры с пловом, шашлыком, самсой, салатами, лепешками, фруктами и сладостями. Все было аккуратно упаковано, переложено салфетками и снабжено коробочками, на которых красовались гербы и названия правительственных учреждений. Ирина особенно любила эти наборы и никогда не забывала уточнить у соседок, откуда именно они получены.

— За службу государству, — говорила она с гордостью.

Соседки кивали. А затем Ирина открывала очередной контейнер с шашлыком и съедала его за телевизором.

Именно поэтому известие об отсутствии ее фамилии в списке награжденных стало для нее настоящей трагедией. Она считала, что после стольких лет работы заслужила не просто

медаль, а нечто такое, что можно было бы повесить на грудь, сфотографироваться на фоне ковра и затем десять лет рассказывать каждому встречному.

Теперь же за дверью стоял человек, которому она особенно хотела задать несколько вопросов. Ирина перехватила скалку поудобнее, распахнула дверь и увидела самого Надира Туракулова.

Он стоял на площадке и занимал ее почти целиком. Туракулов был мужчиной настолько плотного телосложения, что при беглом взгляде мог показаться человеком, собранным из нескольких отдельных округлых частей, которые потом решили соединить в одно государственное тело. У него были кучерявые черные волосы, плоское широкое лицо, узкие глаза и огромные щеки, придававшие ему выражение постоянной сытости. Уши были непропорционально большими и слегка оттопыренными, отчего Туракулов действительно напоминал слона, которого по ошибке одели в милицмейскую форму и назначили руководителем подразделения.

На боку висела кобура. Она выглядела почти игрушечной рядом с его массивным туловищем. Пряжка ремня блестела в свете подъездной лампы, которая то загоралась, то гасла, словно тоже не была уверена, стоит ли ей присутствовать при предстоящем разговоре.

Фуражка на голове Туракулова была настолько огромной, что напоминала тюрбан индийского махараджи. Она сидела поверх его кучерявых волос, слегка возвышаясь над головой, и создавала впечатление, будто подполковник прибыл не из районного управления, а прямо из какого-то исторического парада, где формы всех эпох смешали в одну.

Но особенно впечатляла сама форма. Зеленая милицмейская гимнастерка была подшита специально под его фигуру и потому не столько сидела на нем, сколько окружала его, как защитный чехол. Пуговицы были расставлены с инженерной точностью и держались каждая на своем пределе прочности. Планки с орденами и медалями тянулись по груди целым рядом, причем некоторые награды выглядели настолько необычно, что невозможно было понять, были ли они действительно государственными знаками отличия или плодом чьего-то очень своеобразного чувства юмора.

Среди них красовался орден «Материнской славы» первой степени, который Туракулов носил с выражением человека, лично вырастившего нескольких детей и теперь требующего за это исторического признания. Рядом поблескивал Железный крест второй степени. Еще ниже висел орден «Победы». Этим орденом Туракулов особенно гордился. Он утверждал, что его ему лично вручил Михаил Горбачев в последние часы существования Советского Союза, после чего государство распалось, документы затерялись, а в новом Узбекистане об этом награждении предпочли забыть. Поэтому, как объяснял Туракулов, орден нигде официально не значился, но был «абсолютно настоящий, с бриллиантами и золотом».

Никто никогда не осмеливался попросить его предъявить соответствующий указ. Даже сам Туракулов понимал, что некоторые исторические тайны лучше сохранять в состоянии тайны.

Фигура подполковника имела отчетливо цилиндрическую форму. Голова почти незаметно переходила в шею, шея — в грудь, грудь — в живот, а живот, в свою очередь, плавно исчезал в нижней части мундира. Границ между этими анатомическими зонами практически не существовало. Казалось, природа изготовила Туракулова одним непрерывным движением, а портному оставалось лишь смириться с результатом.

Форма была подшита именно под это тело. Она не пыталась сделать его стройнее, моложе или внушительнее — все это было бы бессмысленно. Ее задачей было лишь удержать конструкцию в пределах допустимого. Плечи были расширены, чтобы соответствовать общей массивности корпуса, полы мундира расходились ниже пуговиц, а ремень проходил по животу с видом человека, который каждый день совершает подвиг.

Туракулов поднял глаза на Ирину. Ирина подняла скалку. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. За спиной Ирины из комнаты доносился запах плова. Из подъезда пахло сыростью. А между ними висело невысказанное, но совершенно очевидное: орден.

— Ирина, дорогая, произошло небольшое недоразумение, — начал привычно лгать Надир, причем лгал он с такой легкостью, будто это было его штатной обязанностью и отдельной строкой вписывалось в должностную инструкцию. Он энергично жестикулировал, размахивая руками почти как итальянский торговец на рынке, которому покупатель пытается вернуть испорченную колбасу. То прижимал ладонь к груди, то разводил руки в стороны, то поднимал указательный палец к потолку, словно собирался призвать в свидетели самого Аллаха, а затем вдруг начинал описывать руками в воздухе какие-то сложные геометрические фигуры, видимые, вероятно, только ему одному. — В Администрации президента сейчас полный бардак из-за подготовки к тридцатипятилетию независимости страны. Документы ходят туда-сюда, комиссии заседают, комиссии над комиссиями проверяют другие комиссии... Сама Саида Мирзиёева меня лично заверила, что орден...

Договорить он не успел. Скалка рухнула ему прямо на голову. Удар пришелся с такой точностью и силой, что в другой ситуации череп подполковника мог бы заинтересовать патологоанатома. Однако Туракулова спасла фуражка. Огромный головной убор принял на себя основную часть удара, сплюснулся, перекосялся и съехал набок, зато голова осталась цела. Сам Надир от неожиданности присел, схватившись за затылок, и именно в этот момент Ирина перешла от словесной дипломатии к служебной практике.

Туракулов совершенно забыл, что сотрудники ОБОБа проходили специальную подготовку по так называемому реслингу — особой разновидности борьбы, где броски, захваты и подсечки изучались не ради спортивного мастерства, а исключительно ради того, чтобы как можно быстрее уложить на землю политически активного гражданина, митингующего сталевара или другого человека, который почему-то решил публично выразить свое недовольство.

У Ирины, между прочим, имелся черный пояс по реслингу и сертификат, где красовалась подпись самого Брюса Ли.

История с Брюсом Ли была одной из самых загадочных в МВД. По официальной версии, знаменитый мастер боевых искусств являлся кадровым агентом узбекских органов правосудия и периодически подписывал необходимые документы, находясь в Гонконге. То обстоятельство, что Брюс Ли умер задолго до некоторых из этих документов и вообще не имел никакого отношения к узбекской юриспруденции, никого особенно не смущало. Когда любопытные начинали задавать вопросы, им отвечали, что сведения секретные. А если сведения секретные, то проверять их уже как-то неудобно. Государственная тайна в таких случаях выполняла ту же функцию, что черная занавеска на окне: за ней можно было спрятать практически любую нелепость.

Сам реслинг, однако, был вполне настоящим. Ирина мгновенно перехватила Туракулова за воротник, развернула его и с неожиданной для ее габаритов ловкостью подсекла ему ноги. Подполковник охнул, потерял равновесие и с грохотом рухнул на пол. Пол под ним заскрипел, шкаф дрогнул, с верхней полки упала одна из юбилейных книг, а крыса, до этого мирно сидевшая под диваном, сочла происходящее достаточным основанием для немедленной эмиграции.

Но Ирина на этом не остановилась. Она схватила Туракулова за воротник мундира и потащила в сторону санузла. Надир попытался сопротивляться, однако быстро выяснил, что спорить с женщиной, которая только что получила отказ в государственной награде и держит в руке скалку, — занятие совершенно бесперспективное. Через несколько секунд его голова оказалась над унитазом, а еще через мгновение Ирина с профессиональной точностью опустила ее в чашу.

— Ирина! Ты что делаешь?!

Вместо ответа она нажала на кнопку смыва. Туракулов забарахтался, пытаясь вырваться. Вода в старом унитазе хлынула с таким энтузиазмом, будто десятилетиями ждала возможно-

сти принять участие в государственной политике. Надир захлебнулся, поднял голову, вдохнул, снова получил струю воды по лицу и наконец выскочил из опасной зоны, кашляя и отплевываясь.

Унитаз при этом выглядел так, словно его последний раз видели моющие средства еще во времена позднего Брежнева. Белый фаянс давно приобрел серовато-желтый оттенок, вокруг металлических деталей проступила ржавчина, а на внутренней поверхности образовался такой минеральный налет, что геологи могли бы провести здесь полевые исследования.

— Ты что! — вопил Надир, хватая ртом воздух и вытирая лицо рукавом. — Совсем с ума сошла?!

Ирина ответила ему коротким, но весьма содержательным выражением, после чего схватила туалетную щетку и несколько раз постучала ею Туракулову по шее. Щетка была старая, с растрепанными щетинками, и при каждом ударе оставляла на его безупречно белом воротничке серо-коричневые разводы. Еще минуту назад воротничок являлся предметом особой гордости подполковника; теперь же на нем красовалась композиция, напоминавшая современное искусство.

Ирина, удовлетворив свои первые страсти и несколько успокоившись, схватила Туракулова за шкуру и потащила обратно в комнату. Он послушно следовал за ней, потому что теперь уже окончательно понял: спорить не следует. Хожатхона-ханум швырнула его на диван, но диван оказался не менее опасным противником, чем сама хозяйка. Туракулов рухнул всем своим цилиндрическим телом прямо на торчащую из сиденья пружину.

Раздался металлический скрежет. Одна из ржавых пружин впилась в ткань его брюк и разодрала штанину от бедра почти до колена. Надир застыл, боясь пошевелиться. Любое движение могло превратить разрыв одежды в полномасштабную катастрофу. Он сидел на диване, прижав руки к животу, и выглядел теперь не как грозный начальник специального подразделения, а как крупный испуганный хомяк, которого случайно посадили на капкан.

Ирина стояла перед ним со скалкой в руке.

— Где орден?

— Не будет тебе никакого ордена! — наконец взревел обиженный Туракулов, пытаясь сохранить остатки начальственного достоинства. — Ты разжалована! В ОБОБе тебе больше не место!

— Плевать я хотела на ваш ОБОБ!

— Не плюнешь! — зловеще произнес подполковник. — У государства длинные руки, и ты это прекрасно знаешь!

Он сделал паузу, поправил перекошенную фуражку и добавил:

— Ты переведена в ОХОГ.

Ирина нахмурилась.

— Куда?

— В Особо охраняемый объект государства. Самый тайный отдел. Подчиняется непосредственно президенту. ОХОГ был создан еще при Исламе Каримове, а затем автоматически перешел в ведение Администрации президента. Саида Шавкатовна лично распорядилась назначить тебя туда сотрудником.

— Не пойду!

Ирина выпрямилась во весь свой немалый рост, уперла руки в бока и приняла такую позу, какую принимала всякий раз, когда собиралась продемонстрировать принципиальность. Ее халат натянулся на необъятной фигуре, подбородок поднялся, ноздри раздулись, а скалка легла поперек груди наподобие жезла. Получилось настолько внушительно, что даже Туракулов на мгновение перестал дышать.

Глаза подполковника хищно блеснули.

— Пойдешь. И не спорь. Иначе тебя в банку закатают.

Ирина замолчала. Выражение ее лица изменилось. «Закатать в банку» было старым и страшным слэнгом, который употребляли в определенных кругах МВД. Означал он нечто такое, о чем предпочитали не спрашивать даже опытные сотрудники. По слухам, речь шла о казенных людях, тела которых консервировали в какой-то жидкости, помещали в герметичные емкости и прятали в закрытых государственных хранилищах или подземных бункерах, чтобы никакие следы не появились в публичном пространстве.

Еще при Исламе Каримове ходили легенды о том, что существовали специальные коллекции подобных «экземпляров», число которых якобы исчислялось десятками тысяч. Одни рассказывали о секретных подземных хранилищах, другие — о закрытых лабораториях, третьи утверждали, что все это обычные страшилки, придуманные самими силовиками для запугивания подчиненных.

Где заканчивалась правда и начиналась легенда, никто не знал. Даже в ОБОБе об этом говорили шепотом. Ирина нахмурилась еще сильнее.

Туракулов осторожно поднялся с дивана, стараясь не порвать брюки окончательно, и достал из внутреннего кармана сложенный лист бумаги. Он подошел к Ирине и сунул документ прямо между ее огромными грудями, поскольку руки у него были заняты собственной одеждой.

— Это приказ о твоём переводе в ОХОГ, — сказал он. — Сегодня в двадцать ноль-ноль твоя смена. С этого момента приступаешь.

Ирина вытащила бумагу, развернула ее и пробежала глазами по строчкам. Туракулов тем временем попятился к двери. Вид у него был такой, будто он только что побывал на территории противника и теперь мечтал как можно скорее вернуться в родное управление.

— Ирина, без глупостей, — предупредил он уже с порога. — Приказ есть приказ.

Хожатхона ничего не ответила.

Подполковник открыл дверь и начал выбираться в подъезд. Он двигался осторожно, придерживая порванную штанину и стараясь не смотреть на Ирину. Но Хожатхона-ханум была еще не вполне удовлетворена.

Она сделала шаг вперед и легонько, как ей показалось, пнула его в спину. Для обычного человека такой пинок, вероятно, означал бы лишь неприятное ускорение движения. Для Туракулова он стал катастрофой. Подполковник потерял равновесие, пролетел несколько шагов по коридору, взмахнул руками, словно пытаясь взлететь, и со всей своей цилиндрической массой врезался головой в дверь соседней квартиры.

Раздался глухой удар. За дверью немедленно залаяла собака. Затем послышался испуганный тонкий женский голос:

— Кто там?!

Туракулов, держась за голову, медленно поднялся.

— Никого, — прохрипел он. — Я... дверь проверял.

— Какую дверь?!

— Государственную.

За дверью наступила тишина.

Ирина захлопнула свою дверь. Она прислонилась к стене, тяжело дыша, и посмотрела на бумагу, которую держала в руке. Ордена не было. Вместо него был приказ. Новая работа. Новый начальник. Новый секретный отдел. И все начинать с нуля. Ирина еще раз взглянула на лист. Потом на свой диплом, висевший на стене. Потом на плакат с надписью о великом будущем. И вдруг заметила, что томатная клякса на дипломе каким-то странным образом напоминала карту неизвестной страны.

— ОХОГ, значит... — пробормотала она.

Из туалета донеслось журчание воды. На кухне зажужжала муха. Где-то за окном снова завyla собака.

Ирина села на диван, но тут же вскочила, вспомнив о пружине. После чего решила, что начинать новую жизнь следует, по возможности, с покупки нормальной мебели.

Глава 2. Паспортистка, кормящаяся с корыта

Конечно, новое назначение не особенно обрадовало Ирину. Она привыкла быть бойцом ОБОБа, а это, несмотря на специфический характер службы, все-таки давало определенный социальный статус, причем такой, какого невозможно было добиться ни дипломом, ни адвокатской практикой, ни даже хорошим местом в районном управлении. Ее узнавали в лицо, перед ней заискивали соседи, прохожие предпочитали переходить на другую сторону улицы, а родственники, хотя и старались этого не показывать, испытывали к ней ту смесь зависти и осторожности, которая возникает у людей перед человеком, способным одним телефонным звонком доставить им неприятности. Даже уголовный мир относился к Хожатхона-ханум с определенным уважением. Мелкие воришки, уголовники, положенцы и прочие лица, имевшие привычку разговаривать с государством исключительно через адвокатов, прекрасно знали ее прошлое. Когда-то, еще до перехода в ОБОБ, Ирина успела поработать защитником и успела принять участие в делах самых разнообразных граждан, включая тех, чья биография состояла преимущественно из судимостей, драк, грабежей и прочих достижений уголовного характера. На сходках о ней иногда вспоминали и говорили, что Хожатхона-ханум следует уважать и при случае давать ей долю с общака: дескать, женщина когда-то помогала братве юридически, а значит, честь ей и уважение. Ирина об этой традиции знала и относилась к ней с большим удовольствием, хотя никогда не уточняла, почему именно помощь осужденным она считала частью своей юридической карьеры, а не началом будущей специализации.

Но спорить с Туракуловым было все равно что собственноручно стегать себя розгами, причем с усердием той самой легендарной унтер-офицерской вдовы, которая сама себя высекла, а потом еще долго выясняла, кто виноват. Поэтому Ирина, тяжело вздохнув, решила готовиться к новой службе. Прежде всего она решила привести себя в порядок и, как ни странно, начала именно с внешности. Раздевшись, она подошла к зеркалу, которое висело в коридоре и уже давно выполняло функцию не столько отражающего стекла, сколько предмета бытовой археологии. Ирина внимательно посмотрела на свое отражение, повернулась боком, потом другим боком, втянула живот, насколько позволяли обстоятельства, расправила плечи и попыталась представить себя глазами сотрудников таинственного ОХОГа. В ее воображении они должны были увидеть эффектную женщину, опытного специалиста, боевого ветерана государственной службы и обладательницу той самой харизмы, перед которой молодые сотрудники будут падать штабелями. В реальности же зеркало, судя по всему, решило проявить профессиональную честность.

Отражение было нечетким — то ли из-за многолетней грязи на стекле, то ли из-за проблем со зрением самой Хожановой, а может, зеркало просто не желало брать на себя ответственность за увиденное. Впрочем, общие очертания угадывались достаточно хорошо. На Ирину смотрела крупная пятидесятипятiletняя женщина с небритыми подмышками, запущенной кожей и многочисленными возрастными пятнами. На шее, груди, боках и бедрах виднелись папилломы — некоторые маленькие и почти незаметные, другие крупнее и заметнее, свисающие отдельными мягкими отростками. В совокупности они напоминали странную растительность, которая почему-то решила прорасти не в саду, а непосредственно на человеческом организме. Ирина посмотрела на себя несколько секунд, потом повернулась к зеркалу спиной и попыталась рассмотреть собственные плечи. Из этого ничего не вышло, потому что зеркало было слишком маленьким, а фигура Ирины слишком большой. Она снова повернулась лицом и тяжело вздохнула.

Купаться Ирина не любила. В ее представлении ежедневная гигиена относилась к числу излишних буржуазных привычек, примерно таких же, как свежие простыни, регулярная уборка и мытье окон. Поэтому от нее обычно исходил специфический запах, который мог отпугнуть даже комара, если тот обладал хотя бы зачатками инстинкта самосохранения. Однако сегодня предстоял первый рабочий день в новом месте, и Хожатхона решила, что появляться перед начальством в состоянии, напоминающем археологическую находку, все-таки не следует. Она отправилась в ванную, хотя сама эта комната скорее напоминала общественную уборную после капитального ремонта, который забыли провести. Кафель местами был разбит, местами отсутствовал вовсе, из стен торчали ржавые металлические крепления, кран был искривлен и держался на честном слове, а вместо нормального душевого шланга к нему был приспособлен старый шланг от пылесоса. Сооружение выглядело так, будто сантехник однажды посмотрел на него, сказал «работает же» и после этого ушел на пенсию.

Горячей воды, разумеется, не было. Теплоцентраль в очередной раз простаивала, поэтому Ирине пришлось поливать себя холодной водой из ведра. Вода имела легкий зеленоватый оттенок и пахла тиной. Впрочем, это объяснялось довольно просто: местный насос время от времени качал воду из ближайшего арыка, который, в свою очередь, брал начало от Анхора и успевал по дороге собрать в себя значительную часть городской жизни. Ирина морщилась от холода, обливалась водой и одновременно пела себе под нос песню «One Way Ticket», причем английское произношение было настолько своеобразным, что даже случайно залетевшая в ванную муха, вероятно, не смогла бы определить язык исполнения. Но смысл Ирина понимала прекрасно: билет в один конец, обратной дороги нет. Она повторяла эту мысль несколько раз, словно пыталась убедить не столько себя, сколько собственную судьбу, которая уже явно приготовила ей очередную неприятность.

Закончив с санитарными процедурами и воспользовавшись вместо женских прокладок детскими памперсами, которые показались ей надежнее и вместительнее, Ирина принялась облачаться в форму бойца ОБОБа. Форма внешне почти не отличалась от милицмейской или военной, но, по мнению самой Хожановой, выглядела значительно круче. Особенно впечатляла эмблема: разъяренная женская физиономия с перекошенным ртом и сжатой в кулаке дубинкой. Эту эмблему Ирина считала одним из величайших достижений отечественной государственной символики. Перед ней, как она любила рассказывать, склоняли головы сотрудники МВД, СИБ, прокуратуры и даже Министерства по чрезвычайным ситуациям. Правда, происходило это преимущественно тогда, когда обладательница эмблемы начинала двигаться им навстречу, но для Ирины разница была несущественной: главное, что люди уступали дорогу.

Сапоги у нее были стандартные, кирзовые, тяжелые и пахли отнюдь не фиалками, зато этот запах был Ирине привычен и даже вызывал чувство служебного комфорта. Она никогда не признавала портянок, считая их пережитком эпохи, когда государство еще не придумало достаточно способов усложнить человеку жизнь, и вместо них обматывала ступни рейтузами. По ее мнению, получалось гораздо удобнее: ткань была мягче, не сбивалась в комок и позволяла ноге чувствовать себя в сапоге почти по-домашнему. После этого Ирина застегнула форму, поправила воротник, проверила карманы, сунула за пояс скалку, которую по привычке решила взять с собой, и критически осмотрела себя в зеркале. Теперь она была готова к службе. По крайней мере, настолько, насколько человек может быть готов к работе в организации, о которой ему известно меньше, чем о составе собственного холодильника.

Вскоре Хожатхона вышла из квартиры и спустилась вниз. У подъезда ее ожидал «Москвич-412», который давно перестал быть просто старым автомобилем и перешел в категорию исторических объектов, чудом продолжающих функционировать. Слово «пожилой» подходило ему гораздо больше. Резина на колесах была лысой, словно водитель заранее собирался участвовать в гонках на льду, корпус покрывали царапины и вмятины, а краска местами отслоилась настолько, что автомобиль приобрел пятнистый вид. Сиденья были обтянуты потрес-

кавшей и местами разорванной кожей, из-под которой торчал поролон. Руль имел такой люфт, что между поворотом рулевого колеса и фактической реакцией автомобиля существовал небольшой, но философски значительный промежуток времени. Двигатель кашлял, чихал, гремел и производил впечатление агрегата, который давно хотел умереть, но не мог бросить хозяйку в столь тяжелый момент.

Ездить на таком автомобиле мог либо сумасшедший, либо человек, которому уже нечего терять. Ирина принадлежала ко второй категории, хотя иногда переходила и в первую. Она забралась за руль, захлопнула дверь, несколько раз повернула ключ зажигания и наконец добилась от двигателя хриплого, недовольного рыка. Затем поставила ногу на акселератор и нажала. «Москвич» содрогнулся всем корпусом, присел на задние рессоры и рванул с места с таким внезапным энтузиазмом, будто не собирался ехать в Юнус-Абад, а стартовал со стартовой площадки космодрома. По крайней мере, сама Ирина воспринимала это именно так и позднее не раз утверждала, что ее автомобиль способен стартовать быстрее «Старшипа», если только тот не будет заправлен.

Дорога на другой конец города заняла немало времени. Ирина ехала в сторону Юнус-Абада, периодически сигналила встречным автомобилям, пешеходам, голубям и, на всякий случай, людям, которые просто стояли возле дороги и никак ей не мешали. Она чувствовала себя человеком, отправляющимся на важнейшее государственное задание. За окнами постепенно менялся городской пейзаж: старые дома уступали место другим старым домам, разбитый асфальт сменялся чуть менее разбитым, а вывески магазинов перемежались рекламой банков, мобильных операторов и всевозможных заведений, обещавших счастливую жизнь за небольшую ежемесячную плату.

ОХОГ располагался в пятнадцатом квартале Юнус-Абада и снаружи выглядел совершенно непримечательно. Собственно, именно в этом и заключалась его главная защита. Объект маскировался под склад шифера и рубероида, хотя за многие годы существования учреждения там не было замечено ни одного листа шифера, ни одного рулона рубероида и вообще какого-либо строительного материала. На воротах висела вывеска: «База Ибрагим-ака Назарова. Стройматериалы для свиарника». Вывеска была нарочито крупной, а слово «свиарник» занимало почти половину площади. Расчет был прост: любого гражданина, считавшего себя благочестивым мусульманином, подобное объявление должно было отпугнуть быстрее любой колючей проволоки. Славяне же тоже не проявляли интереса: разведение свиней в Ташкенте официально не пользовалось особой популярностью по самым разным санитарным, эпидемиологическим и бюрократическим причинам, а уж покупать стройматериалы для свиарника в столице желающих находилось и вовсе немного.

Поэтому объект оставался практически без посетителей. Иногда сюда подъезжали грузовики, но их водители никогда не знали, что именно перевозят. Иногда ворота открывались посреди ночи, и внутрь бесшумно въезжала машина без опознавательных знаков. Иногда возле будки охраны появлялся человек в штатском, показывал удостоверение и исчезал за воротами. Все это выглядело настолько обыденно, что любой любопытный прохожий быстро терял интерес.

Ирина остановила свой «Москвич» перед воротами, заглушила двигатель, и тишина вокруг показалась ей подозрительной. Она посмотрела на неприметное серое здание, на вывеску про стройматериалы для свиарника, затем на собственный приказ о переводе и почувствовала, как внутри у нее возникает неприятное предчувствие. Она еще не знала, чем именно занимается ОХОГ, кто там работает и почему начальство решило отправить туда именно ее, но одно понимала совершенно точно: если государство придумало место, которое маскируется под склад стройматериалов для несуществующего свиарника, то обычной паспортисткой здесь явно не обойдешься.

У ворот ее встретил мрачный бугай такого вида, словно его специально отбирали не на службу, а для отпугивания покупателей от склада. Это был широкоплечий, коренастый мужик с короткой шеей, тяжелой челюстью и лицом, на котором природа явно не предусмотрела выражения гостеприимства. Кожа у него была грубая, обветренная, щеки заросли черной щетиной, а маленькие глаза смотрели исподлобья с подозрительностью человека, которому с детства внушали, что каждый встречный непременно чего-нибудь от него хочет. На голове вместо положенной кепки красовалась белая тюбетейка, слегка съехавшая набок. На нем была форма солдата караульных войск, сидевшая на нем так, словно ее шили одновременно на него и еще одного человека, но потом решили не тратить время на переделку. Через плечо висел автомат Калашникова с потертым деревянным прикладом; оружие болталось на ремне и при каждом шаге постукивало о бедро, напоминая скорее старую швабру, чем грозное боевое оружие. Бугай мрачно уставился на «Москвич», но через грязное лобовое стекло не смог разглядеть, кто именно сидит за рулем.

— Чего надо? — недружелюбно спросил он. — Мы сейчас стройматериалы не продаем. У нас капремонт!

Ирина открыла дверцу, выглянула наружу и, зевнув, ответила:

— Я на работу.

Охранник нахмурился, будто услышал что-то подозрительное. Он даже дернул затвором автомата, желая придать своим словам дополнительную убедительность.

— Никакой работы! Нам мардикеров и гастарбайтеров не надо! Проваливай!

Напрасно он это сказал. Ирина медленно вышла из салона, захлопнула дверцу и посмотрела на него тем самым взглядом, который в ОБОБе означал, что собеседник только что совершил последнюю ошибку в своей служебной биографии. Дальше все произошло с такой быстротой, что сам охранник впоследствии не смог толком объяснить, в какой именно момент перестал стоять и начал летать. Хожанова схватила его за рукав, резко развернула и провела прием, от которого караульный совершенно неожиданно для себя оказался на капоте собственного служебного автомобиля. Он попытался подняться, но Ирина тут же вернула его обратно, перехватила за пояс, крутанула и уложила на землю. Все его попытки сопротивляться блокировались мгновенно: стоило ему ухватиться за ее руку, как она выворачивала ему запястье; стоило попытаться вырваться, как следовал новый захват; когда он решил просто отползти в сторону, Ирина ухватила его за воротник и вернула на исходную позицию. Она обращалась с ним примерно так, как ребенок обращается с большой тряпичной куклой: поворачивала, переворачивала, усаживала и снова роняла, причем кукла при этом почему-то постоянно кричала «ой».

Наконец Ирина отняла у него автомат, подхватила оружие за ремень и ловко перекинула его через спину охранника. Приклад глухо стукнул тому между лопаток, а затем Хожанова еще раз дернула ремень, так что бедолага окончательно понял: сопротивление бесполезно. Она вернула автомат ему и строго сказала:

— Уважать в следующий раз будешь мою униформу!

— Опажон, откуда я знал, что вы из ОБОБа?! — горестно вопил охранник, сидя на земле и размазывая по лицу слезы, сопли и кровь. Его тюбетейка валялась рядом, один рукав формы оказался вывернут наружу, воротник перекосялся, пуговицы держались на последней нитке, а на брюках образовались такие складки и заломы, словно форму несколько часов использовали вместо коврика для борьбы. Сам он выглядел настолько несчастно, что его можно было бы принять за человека, только что проигравшего спор одновременно с тремя борцами, двумя грузовиками и собственной дверью. — Все проходите! Проходите! Конечно, проходите!

— Я знаю, что пройду, — хмыкнула Ирина.

Она вернулась к «Москвичу», села за руль и завела двигатель. Машина привычно кашлянула, потом чихнула, потом несколько секунд подумала и наконец загрохотала всеми сво-

ими внутренностями. Ирина осторожно подала назад и припарковала автомобиль рядом с разбитым автобусом ПАЗ, стоявшим возле стены. Автобус представлял собой печальное зрелище: краска облупилась почти до металла, стекла были мутными, на боках проступали рыжие пятна ржавчины, одно колесо заметно просело, а передний бампер держался на каком-то совершенно загадочном креплении. В салоне не было ни одного признака пассажирского комфорта: вместо кресел виднелись деревянные конструкции, металлические поручни отсутствовали, а задняя часть была практически пустой. Судя по всему, когда-то это был обычный ПАЗ, но теперь его переоборудовали под какие-то хозяйственные нужды, причем настолько основательно, что он скорее напоминал грузовик, переживший несколько войн и теперь доживающий век на службе ритуально-гробового предприятия. На дверце даже сохранился выцветший силуэт чего-то похожего на крест, хотя Ирина решила не выяснять, действительно ли это был крест или просто очередное пятно ржавчины.

Она посмотрела на автобус, пожала плечами и не придавала этому никакого значения. В конце концов, возле секретного объекта может стоять что угодно. Мало ли какие стройматериалы перевозят на базе имени Ибрагим-ака Назарова.

Ирина вошла внутрь. Первое помещение встретило ее суровым бетонным интерьером, от которого веяло таким государственным аскетизмом, будто ремонт здесь прекратился одновременно с распадом Советского Союза и с тех пор считался исторически нецелесообразным. Серые стены были покрыты несколькими слоями краски, местами потрескавшейся и осыпавшейся. Под потолком тянулись толстые трубы, рядом шли кабели в металлических коробах, а на стенах висели старые плакаты: «Болтун — находка для шпиона!», «Не болтай!», «Враг все слышит!». На одном из них нарисованный шпион в черном плаще выглядел из-за двери с таким злодейским выражением лица, будто лично приехал в Ташкент за секретами еще в 1987 году и с тех пор никак не мог уехать. Все эти плакаты пережили несколько эпох, несколько конституций, распад СССР и тридцать пять лет независимости, но никто не решался их снять. Вероятно, считалось, что вместе с плакатами придется снять и часть государственной безопасности.

Дальше находилась массивная железная дверь с кодовой панелью и несколькими замками. Перед ней за небольшим столом сидел сержант-кореец. Это был невысокий, плотный мужчина лет шестидесяти, с совершенно прямой спиной, широким лицом, короткой стрижкой и небольшими внимательными глазами, за которыми угадывалась сорокалетняя привычка никому ничего не объяснять. Форма на нем была настолько загадочной, что Ирина не смогла определить, к каким именно войскам или службе она относится. На одном рукаве красовался какой-то старый шеврон, на другом — совершенно другой, а на груди висел набор значков, часть которых могла относиться к армии, часть — к гражданской обороне, а часть, вероятно, была просто сувенирами. Сержант поднял глаза на Хожанову и сразу нахмурился.

— Чего пожаловала к нам? У нас митингов нет! Недовольных нет! Провокации устраивать здесь нечего!

Для любого другого сотрудника подобная встреча могла бы вызвать уныние, но не у Хожановой. Она спокойно подошла к столу, одной рукой схватила корейца за воротник и без особого труда вытащила его из-за стола. Другой рукой Ирина сунула ему в рот сложенный приказ.

— Читай, придурок! Я сюда прикомандирована, ясно?

Сержант замычал, пытаясь вытащить документ, но Ирина держала его достаточно крепко, чтобы он понял: сначала чтение, потом дыхание. Наконец он похлопал ее по руке, показывая, что все понял, и Хожанова вытащила бумагу из его рта. Сержант принялся читать, сначала с недоверием, потом с удивлением, а под конец уже с выражением человека, которому только что сообщили о кадровом решении, принятом где-то на самом верху.

— Да, я ждал нового сотрудника, — сказал он, разглаживая документ. — Старая сотрудница ушла на пенсию. Теперь вы будете в ОХОГе ответственным сотрудником вместе с Саодат-опой.

— С кем?

— Ваша напарница, — пояснил сержант, осторожно потирая шею там, где только что побывала рука Хожановой. На коже уже проступали красные следы, словно кто-то приложил к ней пятерню и решил оставить автограф. — Думаю, вы сойдетесь.

— Надеюсь, — кивнула Ирина.

На самом деле она никогда ни с кем не сходилась. У нее не было близких подруг, потому что дружба предполагала компромиссы, а Ирина считала компромиссы разновидностью капитуляции. Муж тоже когда-то имелся, но сбежал в первую же ночь после свадьбы. Что именно произошло между молодоженами, ни он, ни Ирина впоследствии никому не рассказывали. Каждый из них придерживался версии, что молчание лучше любой семейной хроники. Так или иначе, брак продержался примерно сутки, после чего супруг исчез из ее жизни с такой скоростью, которая могла бы заинтересовать специалистов по эвакуации населения.

Кореец поднялся из-за стола и повел новую сотрудницу по коридору, объясняя по дороге, что работа предстоит совершенно спокойная. Нужно будет сидеть перед секретным складом, никого не впускать без разрешения, следить за приборами, контролировать температуру, электричество, герметичность объекта и делать записи в журнале. В общем, ничего сложного, если не считать того, что все перечисленные системы относились к объекту, о котором никто не имел права знать абсолютно ничего.

— А что там? — спросила Ирина.

— Не знаю, — пожал плечами сержант. — А если бы и знал, то не сказал бы. Я здесь сорок лет и до сих пор не знаю, что там находится. Иногда сюда что-то привозят, но я не вижу, что именно. Иногда что-то увозят. Тоже не вижу.

Ирина хмыкнула. Если не надо знать, значит, и хорошо. Меньше знаешь — крепче спишь. Этому принципу она следовала всю жизнь и считала его одним из немногих действительно надежных государственных принципов.

Они шли по длинному мрачному коридору, где трубы пересекались под потолком, кабели уходили в стены, а редкие плафоны давали такой тусклый свет, словно электричество сюда поступало исключительно по праздничным дням. Наконец коридор вывел их в помещение, где было заметно светлее. Здесь стояли шкафы с папками, несколько металлических сейфов и огромный герметичный люк, больше похожий на вход в подземное убежище. Перед люком размещались два письменных стола с креслами. На каждом лежали лампа, телефон экстренной связи, тетради для записей и несколько шариковых ручек, причем ручки были привязаны тонкими шнурками, чтобы сотрудники не могли случайно унести государственное имущество домой.

За одним из столов сидела женщина лет семидесяти — Саодат Абдузакирова, та самая Саодат-опа, с которой Ирине предстояло теперь работать бок о бок. В отличие от Хожановой, которую природа словно специально создала с запасом материала, Саодат природа, напротив, обезжирила до состояния почти музейной мумии. Она была настолько худа, что мундир висел на ней балахоном и казалось, что под формой вообще ничего нет, кроме костей, дисциплины и многолетнего государственного стажа. Узкое скуластое лицо, острый кривоватый нос, рыбы губы и выпуклые глаза делали ее похожей одновременно на старого библиотекаря и очень подозрительную рыбу. Огромные очки увеличивали глаза еще сильнее, так что казалось, будто Саодат постоянно смотрит сразу в две стороны и замечает то, что обычному человеку видеть не положено. На подбородке у нее красовались несколько бородавок, а над верхней губой проступали тонкие усики, которые Абдузакирова ежедневно и методично отщипывала, считая их личным оскорблением со стороны природы.

Прическа у нее была короткая, аккуратно уложенная и совершенно не соответствовала общему духу помещения. В ушах поблескивали серьги, на пальцах виднелись кольца с черепами, а на запястьях звенели браслеты, напоминавшие какие-то колдовские амулеты из лавки эзотерических товаров. Казалось, Саодат-опа совмещала в себе военную пенсионерку, паспортистку, гадалку и хранительницу секретного подземного объекта. На ней тоже была военная форма, однако вместо обычных сапог она носила высокие ботфорты почти до бедер. Ботфорты были начищены до блеска и выглядели совершенно неуместно рядом с бетонными стенами, сейфами и железным люком.

Саодат любила моду и считала, что настоящей даме ботфорты идут гораздо больше, чем мужланские сапоги. Она утверждала, что сапоги предназначены для солдат, а ботфорты — для женщин, которые одновременно умеют ходить по грязи, сидеть перед секретным объектом двенадцать часов подряд и выглядеть при этом так, будто только что вышли из театра. Поэтому, несмотря на семьдесят лет, мундир, строгую должность и подземный коридор, Абдузакирова сидела за своим столом с таким видом, будто ожидала не новую напарницу, а приглашение на показ мод.

Она медленно подняла глаза на Ирину поверх огромных очков и внимательно осмотрела ее с головы до ног. Затем перевела взгляд на приказ в руке Хожановой, снова посмотрела на нее и наконец сказала:

— Значит, это вы теперь будете со мной.

Ирина тоже посмотрела на Саодат, на ее ботфорты, кольца с черепами, сейфы и огромный люк за спиной.

— Похоже на то.

Саодат кивнула. И обе женщины впервые за долгие годы службы оказались в ситуации, когда каждая из них еще не знала, что вторая окажется гораздо большей проблемой, чем любой секретный объект за железным люком.

Сержант-кореец указал Ирине на свободный стол и жестом предложил занимать его. «Теперь он ваш, — сказал он. — Что именно нужно делать, вам расскажет Саодат-опа. А пока запомните главное: с этой минуты вы несете ответственность за то, что там находится». При последних словах он ткнул пальцем в огромный металлический люк, занимавший почти всю дальнюю стену. Люк выглядел гораздо серьезнее банковского хранилища: несколько концентрических рядов толстого металла, массивные запорные механизмы, какие-то трубы, кабели и датчики, а по краям — следы старой краски, нанесенной еще в те времена, когда подобные сооружения проектировали с расчетом на ядерную войну и конец света. Казалось, если кто-нибудь действительно решит его взломать, обычного сварочного аппарата ему будет мало — потребуется как минимум кумулятивный снаряд, а лучше сразу несколько, причем с человеком, который знает, куда именно их прикладывать.

— А оттуда ничего не ползет? — с подозрением спросила Ирина, еще раз оглядев люк.

— Нет, успокойтесь, — ответила Саодат-опа и растянула свои рыьи губы в улыбке, которая почему-то больше напоминала предупреждение, чем дружелюбие. — Я здесь двадцать лет, еще со времен Ислама Каримова. Никто оттуда не выходил. Ничто оттуда не выползло.

— А что там?

— Тссс! — Абдузакирова мгновенно приложила палец к губам и тревожно огляделась, словно вопрос Ирины могли услышать стены. Затем она резко повернулась к сержанту: — Вы что, рассказали ей тайну?

— Какую еще тайну? — искренне удивился тот. — Я не знаю, что мы здесь охраняем. Ведь это ОХОГ! Что там находится, знает только высшее руководство. — С этими словами он снова ткнул пальцем в потолок, причем жест был настолько многозначительным, что невозможно было понять, подразумевает он небесную канцелярию с архангелами и регистрацион-

ными журналами или все-таки вполне земную Администрацию президента. — А нам, простым людям, знать нечего. Неположено!

Саодат удовлетворенно кивнула. В ее понимании именно так и должна была выглядеть настоящая государственная тайна: никто ничего не знает, но все прекрасно знают, что знать им нельзя. После этого она пригласила Ирину садиться за новое рабочее место и сама подошла к столу, чтобы показать его содержимое. Стол, судя по металлической маркировке на внутренней стороне ножки, был изготовлен еще в 1955 году и, вероятно, пережил не одного начальника, несколько государственных переворотов, смену названий страны и множество сотрудников, которые приходили сюда с надеждой на повышение, а уходили на пенсию. Это был тяжелый деревянный стол с двумя глубокими тумбами и полками, причем дерево за десятилетия стало настолько темным, что казалось почти черным. Поверхность была покрыта царапинами, пятнами чернил и следами от горячих кружек, а в одном углу виднелась круглая подпалина, происхождение которой никто уже не помнил.

В полках обнаруживалось такое разнообразие предметов, что Ирина невольно решила: прежние сотрудники использовали стол не только для службы, но и как своеобразный склад на случай конца света. Здесь лежали несколько новых зубных щеток в старых картонных упаковках, противогаз с потрескавшейся резиной, банка гуталина, пачка патронов 9×18 мм для «Макарова», стопки газетных подшивок и папок, причем на некоторых страницах стояли загадочные пометки красным карандашом. Рядом обнаружили ножницы, старый металлический степлер, коробка с булавками и инструкция «Как хранить государственные секреты», датированная 1938 годом и отпечатанная еще для сотрудников НКВД. Инструкция была пожелтевшей, края бумаги загнулись, но текст сохранялся почти полностью. Тут же лежал справочник по химии и старый учебник по анатомии, причем на последнем кто-то карандашом нарисовал стрелку, указывающую на изображение человеческого желудка, и подписал: «Не перепутать».

На самом столе все было устроено еще строже. Настольная лампа с металлическим абажуром давала желтоватый свет, рядом стоял телефон экстренной связи, причем трубка была настолько тяжелой, будто предназначалась для переговоров непосредственно с Генеральным штабом. Возле телефона находился железный календарь с перекидными пластинками: чтобы сменить дату, нужно было вручную перевернуть металлические цифры. Рядом лежала тетрадь ежедневных записей в толстом сером переплете. Ирина открыла ее и увидела аккуратные строки, свидетельствовавшие о чрезвычайно напряженной службе охраны особо секретного объекта. Запись от 5 мая гласила: «Сегодня все тоже, что и вчера». На 4 мая было написано: «Было тихо. Из-за люка доносился шум мотора. Начался в 17.35 и закончился в 19.05 ч.» 3 мая сообщалось: «Без происшествий». 2 мая — опять: «Без происшествий». А под датой 1 мая стояло: «Праздник Труда. Отметили с Саодат-опой...»

Последняя запись особенно заинтересовала Ирину. Почерк резко отличался от предыдущих: буквы плясали, строки то поднимались вверх, то сползали вниз, некоторые слова были написаны с таким нажимом, будто автор пытался проткнуть бумагу ручкой. Между словами встречались странные пробелы, а после многоточия чернила вообще расплывались. Даже без экспертизы было очевидно, что автор в момент заполнения журнала находился в состоянии, весьма далеком от трезвости. Ирина медленно подняла взгляд на Саодат-опу.

Та сидела напротив и делала вид, что рассматривает собственные ногти.

Ирина посмотрела на тетрадь, потом на нее, потом снова на тетрадь. Лицо Саодат выражало спокойствие человека, которому совершенно нечего скрывать, хотя именно это выражение обычно и выдавало людей, которым есть что скрывать. На краю стола стояла маленькая металлическая фляжка, которую Саодат предусмотрительно прикрыла папкой. Из-под папки виднелась лишь ее серебристая боковая часть.

— Понятно, — сказала Ирина.

— Что именно вам понятно? — осторожно спросила Абдузакирова.

— Ничего.

Саодат удовлетворенно кивнула. Похоже, они начинали понимать друг друга. Впрочем, Ирина уже догадалась, что ее новая напарница питает к крепким напиткам не просто профессиональный интерес. Взгляд у Абдузакировой был несколько мутноватый, щеки имели легкий сероватый оттенок, а движения отличались той осторожной плавностью, которая появляется у человека, давно научившегося ходить так, чтобы окружающие не заметили лишнего. Кроме того, в воздухе возле ее стола присутствовал едва уловимый запах спирта, смешанный с мятыми леденцами. Ирина знала этот аромат прекрасно. Она сама неоднократно пользовалась подобной комбинацией и считала ее вполне надежным способом убедить окружающих, что человек только что выпил чай.

Это неожиданно успокоило Хожанову. В новом месте она опасалась встретить какую-нибудь сухую партийную старуху, которая будет целыми днями требовать соблюдения инструкции, запрещать разговаривать и докладывать начальству даже о лишнем чихе. Но если Саодат-опа действительно была любительницей крепких напитков, значит, у них имелся хотя бы один общий язык — причем гораздо более понятный, чем русский, узбекский или язык секретных государственных инструкций.

Ирина села в кресло, которое жалобно скрипнуло под ее весом, положила руки на стол и еще раз посмотрела на огромный люк. За ним, судя по всему, находилось нечто настолько секретное, что о нем не знали даже те, кто это охранял. Вокруг лежали патроны, противогаз, инструкция НКВД, учебник анатомии и тетрадь с записями о праздничных застольях. А напротив сидела семидесятилетняя женщина в ботфортах, с кольцами-черепами и подозрительным блеском в глазах.

Ирина впервые за весь день почувствовала, что, возможно, перевод в ОХОГ не был наказанием. Возможно, здесь ей даже понравится.

— Я вас оставляю, старушки, — сказал сержант, уже направляясь к выходу, и тем самым совершил ошибку, которую опытный сотрудник секретного объекта должен был бы предвидеть заранее.

Саодат-опа мгновенно вскинулась. Ее худое тело выпрямилось, очки сползли на самый кончик носа, а рука исчезла под полой мундира. Через секунду из-под формы появился старый пистолет ТТ с потертым воронением, длинным стволом и деревянными щечками рукояти, отполированными многолетним употреблением. Оружие выглядело так, будто его выдали еще при Сталине, а затем забыли забрать обратно.

— Ты кого назвал старушками, старый пес? — заверещала Абдузакирова, наставляя пистолет на сержанта. — Ты как посмел нас оскорбить, мерзавец и мужлан?

Кореец застыл на месте. Он сначала посмотрел на ствол, потом на Саодат, затем на Ирину, которая уже сжала кулаки и явно рассматривала возможность участия в воспитательном мероприятии.

— Извините, дамы, я просто пошутил! — поспешно сказал он и начал пятиться к двери. — Никакого умысла! Просто шутка!

— За такие шутки схлопочешь пулю в брюхо! — прорычала Саодат, слегка качнув пистолетом.

— Или оторвем тебе яйца! — добавила Ирина с деловитостью человека, который уже мысленно составлял протокол будущего происшествия. — Будешь евнухом при нас.

На этом обе женщины рассмеялись. Саодат даже хлопнула ладонью по столу, а Ирина откинулась в кресле, довольная собственной находчивостью. Кореец, однако, юмора не оценил. Он резко развернулся и бросился по коридору, так что его сапоги застучали по бетонному полу дробной пулеметной очередью. «Трак-трак-трак-трак!» — разносилось по коридору, отражаясь от стен и постепенно затихая где-то за поворотом. Еще долго после его исчезновения в коридоре стояло гулкое эхо, словно само здание продолжало смеяться над бегством сержанта.

— Идиот! — фыркнула Абдузакирова и спрятала ТТ обратно под мундир с таким спокойствием, будто только что убрала авторучку.

— Он напоминает мне бывшего мужа, — сказала Ирина. — Такой же тупой и совершенно не знает деликатного общения с дамами из светского общества.

Светским обществом в данном случае была исключительно Хожанова. Однако формулировка Саодат понравилась, и она одобритительно кивнула.

— Милочка, какое тут светское общество? Ты же видишь: быдло на охране! А у нас важный объект. Ислам Каримов доверял только нам — женщинам, умеющим хранить секреты и охранять их от вражеского интереса! Поэтому сюда отбирались только лучшие. А лучшими стали я... и теперь вы.

Последние слова она произнесла с такой торжественностью, будто передавала Ирине не должность дежурной по секретному складу, а ключи от ядерного чемоданчика.

— Ох, да, меня призвали из ОБОБа, — хвастливо сказала Ирина. — Сами знаете. Мы ничем не хуже американских «морских котиков». Можем бананом вспороть живот любому врагу и обычным перцем развязать язык любому допрашиваемому.

— Какое изящество — пытать перцем! — восхищенно воскликнула Саодат. В ее огромных очках отразился свет лампы. — Интересно, а чем еще можно раскрутить человека на истину, на исповедь?

Ирина сразу заметила, что перед ней находится благодарный слушатель. Она подалась вперед, положила локти на стол и заговорила с видом преподавателя, которому наконец дали возможность прочитать любимую лекцию.

— Да способов много. Главное — не торопиться. Много, конечно, еще со времен Святой инквизиции. Там вообще считали, что если человек не признается добровольно, значит, ему просто не хватает убедительной мотивации. Вот и придумывали разные приспособления: дыбы, цепи, всякие страшные железные устройства. Некоторые были настолько причудливы, что больше походили на оборудование кузнечной мастерской, чем на средства дознания. Человека могли заставить часами стоять в неудобном положении, запугивали, лишали сна, давили психологически, заставляли повторять одно и то же признание до тех пор, пока он сам уже не начинал верить, что действительно совершил все преступления Европы начиная с падения Римской империи.

— Ох! — с неподдельным интересом выдохнула Абдузакирова.

— Но мы пошли дальше, — продолжала Ирина. — У нас методы современные. Главное — атмосфера. Кабинет должен быть мрачным, стул обязательно должен скрипеть, лампа светить прямо в глаза, а следователь обязан молчать минут пять, чтобы задержанный сам начал думать, что сейчас произойдет нечто ужасное. Потом задаешь совершенно простой вопрос. Он отвечает. Потом задаешь тот же вопрос еще раз, но уже другим тоном. И человек начинает путаться. А дальше главное — внимательно слушать, потому что врать люди умеют плохо. Особенно когда нервничают.

Саодат слушала, затаив дыхание.

— Ох! — повторила она, на этот раз еще громче.

Ирина вошла во вкус.

— А однажды у меня был один интеллигент. Очки, пиджак, борода, говорил исключительно сложными словами и все время поправлял воротник. Думал, что раз он интеллигент, то его никакой ОБОБ не возьмет. Ошибся. Я сначала просто поставила перед ним швабру.

— Швабру? — переспросила Абдузакирова.

— Самую обыкновенную. Старую. С деревянной ручкой. И сказала: «Выбирайте: либо разговариваем нормально, либо я начинаю заниматься хозяйственными процедурами». Он посмотрел на швабру, потом на меня и почему-то сразу стал гораздо разговорчивее. А потом

так запутался в собственных показаниях, что сам начал рассказывать вещи, о которых его вообще никто не спрашивал.

— И что же? — прошептала Саодат.

— В конце концов заявил, что участвовал в покушении на генерального прокурора Рашитжана Кадырова. Причем начал рассказывать такие подробности, будто сам лично руководил всей операцией от первого до последнего шага.

— Ох! — снова изумилась Абдузакирова.

Она слушала с таким восторгом, словно перед ней выступал не бывший сотрудник ОБОБа, а признанный профессор допроса. Ее рыбы губы медленно растянулись в улыбке, и эта улыбка становилась все шире, обнажая мелкие, острые зубы. В сочетании с выпуклыми глазами, огромными очками и узким лицом Саодат действительно начала напоминать старую акулу, случайно попавшую в военную форму и назначенную охранять государственную тайну.

— Какая вы все-таки опытная женщина, — наконец произнесла она с восхищением.

Ирина довольно поправила воротник мундира.

— Это еще далеко не все.

За железным люком по-прежнему царила тишина. Снаружи не происходило ничего необычного. Но внутри маленького помещения ОХОГ две женщины уже нашли общий язык — и, судя по выражению лица Саодат, этот язык обещал оказаться гораздо опаснее любого государственного секрета, запертого за многотонной дверью.

Пришла очередь рассказывать Абдузакировой, и она начала с таким упоением, словно собиралась не поделиться воспоминаниями, а представить на международной конференции доклад о собственных заслугах перед отечественной безопасностью:

— Я была паспортисткой. Но не простой, а секретным агентом от СМЕРШ. Сам Абакумов передал мне задание выявлять американских и немецких шпионов. И я, работая в ЖЭКе, разоблачила много агентов иностранных разведок...

— Ох, — пришла очередь удивляться уже Ирине. — Как вам удалось?

— Опыт, милочка, и чутье! — загадочно ответила Саодат. — Я сразу вычисляла, что молодой человек в джинсах и с иностранным акцентом явно учился в Оксфорде или в Гарлеме...

— Где?

— В Гарварде, — поправилась Саодат-опа, ничуть не смутившись. — Он пытался за десять долларов получить прописку в нашем районе. Но я сразу поняла: засланный. Взяла его данные, передала в СНБ, и там подтвердили, что он ваххабитский шпион. За проявленную бдительность мне выдали премию в размере трехмесячного оклада! С тех пор у меня кодовое имя «Паспортистка».

— Нам давали за разгром правозащитников у стен омбудсмана Сайеры Рашидовой ящики с апельсинами и даже по текиле!

— Ух ты... — с уважением произнесла Абдузакирова.

Профессиональная беседа постепенно исчерпала себя и совершенно естественным образом перетекла к более важной для двух женщин теме — одежде. Секретный объект, как выяснилось, мог хранить не только страшные государственные тайны, но и весьма серьезные сведения о женском гардеробе.

Саодат первой обратила внимание на собственные ботфорды. Она вытянула ногу вперед и провела ладонью по голенищу с таким видом, будто демонстрировала произведение искусства.

— Ваши ботфорды просто изумительны! — сказала Ирина. — Это итальянские? Джорджио Армани?

— Нет, французские «А-ля-мушкетер» от мадам Коко Шанель, — хвастливо ответила Саодат. — Привезли с выставки под Эйфелевой башней. Сам посол Узбекистана в Париже купил и мне подарил за то, что я вовремя прописала его племянницу.

— А у меня были платья от Кардена, — сказала Хожанова, хотя платья не носила — они ее полнили, хотя ничто не могло сделать жирную женщину худой.

— Настоящего?

— А какого же еще? — возмутилась Ирина. — Правда, Карден их не шил. Мне их подали после одного очень удачного рейда ОМОНа на Алайском базаре. Но ярлык был настоящий. А в нашем деле главное — не происхождение вещи, а происхождение ярлыка.

Абдузакирова понимающе кивнула и зацокала:

— Совершенно верно. Я вообще считаю, что одежда должна прежде всего производить впечатление на человека, который ее оплачивать не собирается. Если он видит иностранную марку, он уже наполовину разоружен.

— Особенно если марка пришита криво, — добавила Ирина.

— Криво?

— Зато по-французски!

Обе засмеялись. Через несколько минут разговор дошел до чулок. Саодат призналась, что настоящие импортные чулки когда-то считала почти государственной валютой: за одну пару можно было получить столько услуг, сколько за несколько официальных заявлений с тремя печатями. Она хранила их в отдельном пакете, подписанном «Особо важное», хотя никакого отношения к службе они не имели.

— Я всегда говорила: хороший чулок должен быть крепче государственного режима, — заявила она. — Если он рвется после первого выхода, значит, это не чулок, а политическая провокация.

— У меня были такие чулки, — ответила Ирина, — что я их надевала на демонстрации вместо бронежилета. Ни одна лестница, ни один забор их не брали.

— А колготки?

— Колготки — это уже другой класс. Их главное достоинство в том, что они позволяют женщине считать себя стройной, пока она не увидит себя в зеркале.

Саодат расхохоталась так громко, что за люком что-то едва слышно загудело. Обе на секунду замолчали и посмотрели на металлическую дверь.

— Наверное, вентиляция, — сказала Абдузакирова. - Всегда такое оттуда.

— Конечно, — согласилась Ирина. — А если нет, то пусть слушает. Ему тоже полезно знать о моде.

Затем женщины перешли к белью. Здесь разговор приобрел почти научный характер. Саодат утверждала, что главное в женском белье — практичность: оно должно переживать долгий рабочий день, внезапный вызов начальства, поездку в автобусе и, в крайнем случае, обыск.

— У меня был комплект, — сказала она, — который пережил три проверки, два переезда и одну командировку. Я его до сих пор храню.

— Как музейный экспонат?

— Как стратегический резерв.

Ирина задумалась.

— А я всегда считала, что белье должно соответствовать характеру женщины. Если женщина строгая — черное. Если легкомысленная — кружевное. Если чиновница — такое, чтобы при проверке документов ничего не мешало.

— А если женщина из ОБОБа?

— Тогда такое, чтобы можно было в любой момент бежать за оппозиционером.

Абдузакирова одобительно подняла палец:

— Практичная женщина. Вот что значит профессионализм.

Наконец разговор дошел до парфюма. Тут обе проявили неожиданную компетентность. Саодат предпочитала тяжелые ароматы, от которых, по ее словам, «человек должен сначала почувствовать власть, а уже потом запах». Она перечисляла иностранные марки, но среди них почему-то попадались такие как «Вуаля-Тройной Шипр», «Москоу Дэсдэмона», «Лесной аромат де Тропикана» и другие.

— Настоящие духи должны входить в комнату раньше женщины, — объясняла она. — А уходить позже нее.

— А я люблю такие, чтобы после меня в коридоре еще час все знали, что прошла Хожатхона-ханум.

— И какие же?

— Французские.

— Название?

Ирина задумалась.

— Не помню.

— А фирма?

— Тоже.

— Тогда откуда вы знаете, что французские?

— Продащица сказала. Но когда я ими пользуюсь, то дохнут все тараканы в квартире. А мужчина просто в обмороке. Наверное, от моей неземной красоты!

Саодат на секунду задумалась, после чего кивнула с полной серьезностью.

— Значит, французские.

И снова обе рассмеялись. Государственная тайна за огромным люком оставалась нераскрытой, зато к концу первой смены Ирина уже знала гораздо более важные сведения: какие ботфорды считаются французскими, сколько должна выдерживать хорошая пара чулок, почему импортные ярлыки иногда важнее самих платьев и каким образом по запаху духов определить социальный статус их обладательницы. Для ОХОГ это был, пожалуй, самый содержательный рабочий день за последние двадцать лет.

Потом разговор постепенно перешел на тему работы. Саодат-опа откинулась на спинку кресла, поправила очки и, немного понизив голос, сказала:

— Для меня работа — это прежде всего кормушка. Кормушка, если говорить откровенно. Пока мы у кормушки, значит, мы нужны государству. Мы востребованы властью. А горе тому, кого от кормушки оторвут: такой человек автоматически становится предателем и врагом народа, начинает выступать против системы, писать куда не следует, звонить кому не следует, а потом падает на самое дно общества. Вот как эта... — тут Абдузакирова непроизвольно ткнула пальцем в стол, за которым сидела Ирина.

Хожанова медленно подняла голову.

— То есть? Кого вы имеете в виду?

Саодат осеклась. Ее рыбы губы замерли в полуулыбке, а глаза за толстыми стеклами вдруг стали необыкновенно внимательными.

— Ах, сболтнула государственную тайну. Хотя ты своя — не страшно. До тебя здесь одна женщина работала. Ее закатали в бочку...

— То есть уволили? — уточнила Ирина.

— Ага. Уволили, — быстро согласилась Саодат-опа. — Она связалась с радио «Озодлик» и хотела передать тайну. О том, что здесь хранится. — Она снова ткнула пальцем в люк, причем теперь уже осторожнее.

— Но мне сказали, что она ушла на пенсию. Тот сержант-кореец.

— Официально ее действительно проводили на пенсию, — кивнула Абдузакирова. — А в реальности закатали в бочку. Родственникам сказали, что она переехала в Израиль, приняла иудаизм и работает продавщицей носков у Стены Плача.

— Предательница! — с негодованием произнесла Ирина.

— Еще какая! Оторвали человека от корыта — и все, сразу предала идею Великого будущего и все заветы Ислама Каримова!

Но Ирина уже почти не слушала. Ее взгляд снова остановился на люке. Теперь эта дверь казалась ей совсем другой. Еще недавно это был просто старый металлический люк, часть унылого интерьера, один из множества переживших эпоху предметов. Теперь же за ним чудилось нечто настолько важное, что ради сохранения тайны исчезла прежняя сотрудница ОХОГ. Что именно там хранилось? Документы? Деньги? Архивы? Какая-нибудь государственная реликвия? Или нечто такое, о чем вообще запрещено даже думать?

И главное — если объект существовал еще со времен Каримова, почему его продолжали охранять теперь? Что именно понадобилось сохранить новой власти? Ирина почувствовала знакомое профессиональное возбуждение: тайна была куда интереснее обычной службы ОБОБа. Там нужно было устраивать скандалы, кричать на митингах и гонять людей по улицам, а здесь перед ней находился настоящий секрет, причем такой, о котором даже охрана ничего толком не знала.

— Мне полковник Надир Туракулов ничего не говорил об этой работе, — наконец произнесла Хожанова. — Но я поняла, что это очень важно. Важнее, чем в ОБОБе.

— Туракулов знает, что там, — спокойно ответила Саодат-опа. — В последний раз он был в этом помещении десять лет назад. Сам лично что-то туда ввозил. Большое. На тележке. С ним были трое сотрудников СНБ.

Ирина нахмурилась.

— Десять лет назад?

— Да. Тридцатого августа 2016 года.

— Говорят, в этот день умер Ислам Каримов, — заметила Хожанова.

— Умер он раньше, — уверенно поправила ее бывшая паспортистка. — Двадцать шестого августа. Ужрался водки, получил инсульт с инфарктом. Но врачи расписались в смерти только тридцатого августа. Официально признали смерть второго сентября. Смерть от импотенции... нет, там что-то другое написали.

— От сердечно-сосудистой недостаточности, наверное, — машинально сказала Ирина.

— Вот! Именно. Я тоже это слово помню.

Ирина снова посмотрела на люк. Теперь в ее голове одна за другой соединялись даты, лица и странные обстоятельства. Тридцатого августа 2016 года Туракулов привез сюда что-то большое. Вскоре после этого закончилась эпоха первого президента. Через несколько дней смерть была объявлена официально. А теперь, спустя десять лет, этот объект по-прежнему охраняли две пожилые женщины, которым не разрешалось знать, что находится за дверью.

Совпадение? Ирина не любила совпадения. В своей прежней работе она научилась считать совпадением только то, чему пока не удалось подобрать более подозрительное объяснение. Она представила себе тележку, троих сотрудников СНБ, огромный предмет, закрытый люк и человека, который через несколько дней должен был исчезнуть из политической жизни страны навсегда. Картина получалась настолько загадочной, что Хожановой захотелось немедленно записать все в служебную тетрадь, но она решила пока не делать этого. Мало ли кто потом прочитает.

Развивать тему, однако, женщины не стали. Государственные тайны быстро наскучили, особенно когда никто из присутствующих не мог их разгадать, и разговор совершенно естественно перешел к мужчинам, которых у обеих женщин якобы было столько, что при желании

можно было составить отдельный штатный список. Разумеется, большая часть этих историй существовала исключительно в богатом воображении рассказчиц.

— У меня изумительная фигура, — хвастливо заявила Ирина. — Ухажеров было много. Но я всем давала от ворот поворот! Моя девственность — только для принца. А принцев было много. Сам принц Гарри, сын Дианы и Чарльза из Великобритании, просил моей руки. Но я отказала. Он так плакал, что хотел утопиться.

Саодат посмотрела на нее поверх очков.

— И где же он хотел утопиться?

— Не знаю. Наверное, в Темзе. Но я его отговорила. Сказала: «Гарри, живи, тебе еще жениться придется».

— Правильно сделали, — серьезно ответила Абдузакирова.

После этого она решила не отставать.

— А меня хотел взять в жены сам император Бокасса, капитан французской армии! Они привезли мне десять тонн мяса...

— Слоновьего?

— Именно слоновьего. Хотел меня купить. Но родители отказали. Тогда он хотел выкрасть меня и увезти в Центральноафриканскую Республику. Но пограничники нас схватили. Его депортировали, а меня отправили в школу, в седьмой класс.

Ирина несколько секунд молчала, переваривая историю.

— И как вы пережили такую любовь?

— Тяжело. Но учеба помогла.

— А мои одноклассницы всегда мне завидовали, — продолжила Хожанова, не желая уступать первенство. — Я ведь была самой красивой в школе. В меня влюбился даже директор и учитель физкультуры. Меня приглашали в журнал «Пери» демонстрировать моду. Даже в Париж приглашали — на подмостки Мулен Руж танцевать канкан.

— И вы отказались?

— Конечно. Я тогда была занята.

— Чем?

— Училась.

— На кого?

— На юриста.

Саодат задумчиво покачала головой, будто только что получила доказательство того, насколько нелепо иногда распоряжается человеческими талантами судьба.

— А я была победительницей конкурса «Мисс чайхана — 1976» в Урта-Чирчикском районе среди колхозов, — торжественно сообщила она. — Мне руку жал сам Шараф Рашидов, первый секретарь, когда приехал на конкурс красоты. И в жены хотел взять председатель райисполкома, а также шеф облпотребсоюза. Но разве моя красота им была по карману?

Абдузакирова медленно провела костлявой рукой по груди мундира и поправила воротник.

— Я — только для великих людей.

К утру выяснилось, что великих людей в биографии обеих женщин было гораздо больше, чем обычных, а количество отвергнутых женихов давно превышало численность населения некоторых районов. За разговорами прошла вся ночь. Время от времени женщины поглядывали на люк, но он не подавал никаких признаков жизни. Только однажды из-за него донесся глухой металлический шум, после чего обе замолчали и несколько секунд смотрели друг на друга.

— Наверное, трубы, — сказала Саодат.

— Конечно, трубы, — согласилась Ирина.

На рассвете они отметились в журнале, удостоверились, что служба прошла «без происшествий», и стали расходиться. Сержант-кореец, дежуривший у выхода, при их появлении заметно съёжился и старательно смотрел куда-то в сторону. Вместо избитого вчерашнего бугая на посту теперь стоял другой мужчина — тоже крепкий, угрюмый и совершенно не склонный к разговорам, но почему-то в валенках. Смотреть на человека в валенках в начале сентября было настолько странно, что Ирина решила не задавать вопросов: после ночи в ОХОГе ее способность удивляться происходящему заметно снизилась.

Она села в свой «Москвич-412», несколько раз ударила ладонью по приборной панели, словно призывая технику к сознательной жизни, повернула ключ и после третьей попытки услышала знакомое кашляющее урчание двигателя. Машина дрогнула, выпустила из выхлопной трубы облако сизого дыма и наконец покатила по утреннему Ташкенту.

«Москвич» плелся между «Шевроле», «Нексиями», БМВ и прочей колесной шелухой, причем каждый обгонявший ее автомобиль словно специально напоминал Ирине, что автомобильная промышленность за последние десятилетия ушла далеко вперед, а ее собственная машина предпочла остаться в прошлом из принципа. Хожанова, однако, не унывала. Она держала руль обеими руками, время от времени подруливала, когда люфт внезапно заставлял машину выбирать собственную траекторию, и улыбалась.

Работа в ОХОГ ей начинала нравиться. Здесь не требовалось бегать за митингующими, кричать на журналистов или доказывать прохожим, что государство прекрасно знает, что делает. Здесь был старый стол, старая напарница, старый люк и тайна, которая пережила одного президента и теперь, похоже, благополучно переживала второго. А главное — никто не требовал от Ирины слишком много. Нужно было сидеть, смотреть на дверь и не задавать лишних вопросов.

Для Хожановой это практически соответствовало ее идеалу государственной службы. Только одна мысль все-таки не давала ей покоя: что именно Туракулов десять лет назад привез на тележке в помещение за люком?

«Надо будет узнать», — решила Ирина. И тут же сама себя поправила: «Но не сегодня. Сегодня я устала».

Всю ночь Хожановой снился сон эротической направленности, хотя эротика в нем была настолько своеобразной, что даже самый смелый режиссер не решился бы объяснить, откуда все это взялось в человеческом подсознании. Ирина, облаченная в некое подобие царского платья, бежала по бесконечным коридорам бункера, причем двигалась с неожиданной для себя легкостью. За ней с грохотом устремлялась целая толпа бугаев в валенках и с автоматами, которые совершенно не соответствовали ни сезону, ни архитектуре подземного сооружения. Они топали, скользили, сталкивались друг с другом и хором ревели: «Королева! Ты наша королева! Мы хотим тебя!»

Хожанова добежала до огромного зала, где посреди бетонного помещения стоял трон, почему-то сделанный из старого письменного стола. Она важно уселась на него, закинула ногу на ногу, закурила длинную трубку и принялась выпускать дым кольцами. Внизу бушевали ее поклонники: одни требовали права стать избранником королевы, другие уже выясняли это право при помощи кулаков, а третьи просто стояли и орали, чтобы их тоже заметили.

— Да, я такая... — задумчиво произнесла Ирина, вращая диск старого телефона, который каким-то образом оказался у нее в руке. — Из-за меня начинаются войны...

После этого мужчины окончательно потеряли голову и бросились друг на друга. Бункер загремел от ударов, криков и топота валенок. Через несколько минут все претенденты лежали на полу без сознания, а Ирина осталась совершенно одна. Она посмотрела направо, посмотрела налево и вдруг обнаружила, что никакого королевского двора у нее больше нет. Ни поклонников, ни ухажеров, ни даже придворного шута. Только бетонные стены, телефон и ее собственный трон.

Ирина в растерянности слезла с него и оглядела опустевший зал. Сон неожиданно перестал быть торжественным и превратился в обычную житейскую драму: все мужчины куда-то исчезли, а она опять никому не досталась. Хожанова нахмурилась, поправила воображаемую корону и именно в этот момент проснулась, вся растрепанная, взволнованная и с таким выражением лица, словно только что проиграла выборы собственного сердца.

Глава 3. Тайна бункера

На следующий день к вечеру Ирина приехала в ОХОГ не с пустыми руками, а с целыми сумками свежеприготовленной еды. После ночного сна ей требовалось нечто основательное, и Хожанова решила устроить настоящий гастрономический праздник. Она приготовила лягушачьи ножки в густом томатно-чесночном соусе, добавив к ним запеченные яблоки. Рецепт она обнаружила в старом советско-немецком журнале *Burda* и немедленно объявила его французским блюдом «А-ля Д'Артаньян», хотя происхождение рецепта было столь же сомнительным, как и большинство ее представлений о французской кухне.

Лягушек Ирина добыла самостоятельно, наловив их сачком в ближайшем арыке. Выглядели они весьма упитанными и, по мнению Хожановой, идеально подходили для праздничного стола. Она долго промывала их, обсушивала, натирала солью, перцем, чесноком и сушеными травами, после чего оставляла немного постоять, чтобы мясо пропиталось ароматами. Для соуса она смешала томаты с чесноком, луком и пряностями, а яблоки запекла отдельно до мягкости, чтобы они дали сладковатый аромат. Затем все соединила в одной большой форме и отправила в духовку. Получилось нечто среднее между французским рестораном, узбекской кухней и результатом деятельности женщины, которая слишком долго читала старые журналы.

К блюду, разумеется, требовался напиток. Здесь Ирина тоже решила проявить творческий подход и приготовила свой фирменный коктейль «Без боли и в Раю». Правда, в ее первоначальном рецепте присутствовали алкоголь, туалетная вода и таблетки, что превращало напиток из кулинарного эксперимента в средство массового поражения желудка. Поэтому в реальности она ограничилась обычной водкой с раздавленными сливами, яблоками, вишней и добавила порошок из таблеток Ибупрофен. Это должно было иметь сногосшибательный эффект. По прежнему опыту Хожанова это знала.

Кроме того, она купила шоколад, чипсы, лепешки, несколько упаковок печенья и все это погрузила в «Москвич». Машина привычно закашлялась, словно возмущаясь новым грузом, но все-таки доставила хозяйку к воротам базы.

На этот раз у ворот дежурил молодой парень в очках. Голова у него была крупная, почти тыквообразная, а большие уши торчали в стороны, отчего издали он действительно напоминал летучую мышь, решившую поступить на государственную службу. На нем сидела новая форма, а на рукаве красовался шеврон с надписью «Камрад Азиз». Вместо автомата охранник держал охотничье ружье и выглядел при этом настолько самоуверенно, будто охранял не секретную базу, а вход на собственный курорт.

Стоило «Москвичу» приблизиться к воротам, как Азиз немедленно оживился. Он подался вперед и попытался просунуть голову в окно машины, чуть не зацепившись очками за раму.

— Вау! Какие симпатичные мадемуазели работают у нас! — пропел он с таким восторгом, словно впервые увидел женщин.

— Да, мы такие, — кокетливо ответила Ирина.

Она внимательно посмотрела на молодого охранника и признала про себя, что парень вполне в ее вкусе, несмотря на разницу в возрасте. В конце концов, решила Хожанова, современные нравы позволяют даме любого возраста иметь молодого поклонника, особенно если

поклонник сам проявляет инициативу. Однако голову Азиза она все-таки мягко, но настойчиво отодвинула от окна.

— А когда такая красавица свободна? — продолжал тот, уже стоя возле машины и рассматривая Ирину с нескрываемым интересом.

— Завтра днем, молодой человек, — улыбнулась Хожанова. — Если приглашаете меня в ресторан, то я хожу только в дорогие.

— Завтра в двенадцать часов дня жду вас у сквера Амира Темура, — немедленно заявил Азиз. — Обещаю вам незабываемый обед, плавно переходящий в ужин и ночное приключение по Ташкенту.

— А вы настойчивый, — снова улыбнулась Ирина. — Но я, как простая и скромная девушка, не могу сразу согласиться на свидание. Мне нужно время, чтобы привыкнуть к вам...

— Но это означает, что вы мне не отказали! — с восторгом закричал Камрад Азиз.

Он отдал честь, поднял шлагбаум и торжественно объявил:

— Я теперь буду вашим ухажером!

«Москвич» въехал на территорию базы и занял вчерашнее место. Ирина выключила двигатель, достала сумки с едой и направилась к зданию.

Сидевший внутри сержант-кореец сделал вид, что совершенно занят службой. Он уткнулся в смартфон и смотрел какое-то видео в TikTok. Из динамика доносились музыка, смех, шум толпы и отдельные фразы на испанском. Плоское лицо сержанта постепенно расплылось в широкой улыбке. Он явно настолько увлекся роликом, что даже не заметил, как Ирина прошла мимо.

Хожанова посмотрела на экран, где какой-то человек в яркой одежде исполнял нелепый танец, и только покачала головой. Государственная охрана, подумала она, тоже развивается вместе со временем: раньше сотрудники читали газеты и следили за врагами народа, теперь следили за короткими видеороликами.

Через несколько минут Ирина уже спустилась в бункер. Саодат-опа находилась на месте и готовилась заступить на пост. Она сняла телефонную трубку, набрала номер и официальным голосом произнесла:

— Абдузакирова и Хожанова на объекте. Пост принят.

В ответ из трубки что-то коротко квакнуло, после чего Саодат положила ее на аппарат. В ту же секунду ее нос уловил запахи, доносившиеся из сумок Ирины. В унылом бетонном помещении вдруг появились совершенно непривычные ароматы: чеснок, томаты, жареные специи, печеные яблоки и горячее мясо лягушачьих ножек. Запах был настолько домашним и насыщенным, что казался почти издевательством над серыми стенами, холодным металлом и многолетней атмосферой государственной тайны.

Саодат медленно повернула голову к Ирине.

— Приготовила что-то вкусное?

— Да, — ответила Хожанова, ставя сумки на стол. — Решила, что наша служба не должна быть скучной.

Абдузакирова посмотрела на еду, потом на Ирину и впервые за все время пребывания в ОХОГ улыбнулась совершенно искренне.

За огромным люком по-прежнему хранилась неизвестность. Но пока государственная тайна молчала, две сотрудницы секретного объекта собирались заняться куда более понятным делом — ужином.

В углу стоял старый советский телевизор «Рубин», переживший, казалось, не только несколько эпох, но и собственную историческую необходимость. Корпус его был покрыт таким слоем пыли, что на верхней крышке можно было бы проводить археологические раскопки. На передней панели темнели следы многочисленных попыток ремонта, а экран был пересечен тонкой трещиной, отчего изображение временами раздваивалось и становилось похожим

на воспоминание человека, слишком долго прослужившего в государственном учреждении. И все же аппарат каким-то чудом работал: на экране двигались фигуры, развевались флаги, мелькали праздничные декорации, а из динамика доносился голос Шавката Мирзияева: «Мы встречаем 35-летие нашей независимости в такой свободной, мирной и спокойной обстановке. Наш народ, видя, насколько тревожным стал сегодняшний мир, понимает, каким великим благом является мир...»

Тем временем Ирина накрывала стол привезенной едой, а Саодат-опа, поглядывая то на экран, то на содержимое сумок, раскладывала вилки, ножи и тарелки на своем письменном столе. Служебные бумаги, журналы учета и прочую казенную мелочь она отодвинула к краю, оставив только старый массивный телефон. Аппарат был настолько тяжелым, что при необходимости вполне мог заменить табурет или послужить убедительным аргументом в служебном споре. Женщины решили ужинать прямо за рабочим местом, поскольку в ОХОГе столовая не предусматривалась: государство доверяло им тайну, люк и старый телефон, но не предусматривало отдельного помещения для приема пищи.

С экрана тем временем лилась речь: «В 1980-е годы очень многие люди пострадали в результате так называемого "хлопкового дела". По сути, они также стали жертвами политических репрессий. Нужно писать о них книги, восстанавливать их доброе имя...» И тут президент затронул тему, которая особенно заинтересовала обеих женщин, поскольку обе они считали себя ветеранами государственной службы особого назначения: «В годы независимости есть и представители правоохранительных органов, которые пожертвовали собой. Во время пандемии наши врачи тоже жертвовали собой — ради мира на Родине, ради благополучия народа...»

— Как хорошо он сказал про нас, — заметила Абдузакирова, расправляя плечи. — Люблю я нашего Мироманыча! Хороший он президент!

— Да, я его тоже обожаю, — призналась Ирина. — Именно при нем началась новая политика — Третий Ренессанс!

— Кстати, а что это такое? — поинтересовалась Саодат-опа. — Все время это слышу, но не понимаю.

— Я тоже не знаю, — пожала плечами Ирина.

Она принялась разливать еду по тарелкам. От горячего блюда вверх поднялся густой пар, смешавший запах жареных специй, чеснока и томатов с тонким сладковатым ароматом печеных яблок. Лягушачьи ножки, покрытые красноватым соусом, блестели на тарелках, а от лепешек шел теплый хлебный запах. В бункере, где обычно пахло пылью, металлом, старой бумагой и машинным маслом, внезапно возникла почти домашняя атмосфера. У женщин защекотало в носу, желудки дружно напомнили о своем существовании, и даже многолетняя государственная тайна за люком на некоторое время потеряла свою привлекательность.

— Но звучит красиво — Третий Ренессанс! — продолжила Ирина. — Наверное, это время, когда мы очень востребованы для правительства. Не зря нам доверили охранять это.

Она широким жестом указала на бетонные стены, столы и огромный люк, за которым скрывалась неизвестность.

Саодат-опа кивнула с видом человека, который получил важнейшее государственное поручение и теперь намеревался выполнять его исключительно после ужина.

Они уселись и принялись есть. Ирина жевала энергично, временами прихлебывая соус, а Саодат, забыв о всякой военной выправке, довольно чавкала и подхватывала вилкой особенно удачные кусочки. Лягушачьи ножки исчезали с тарелок с такой скоростью, словно женщины не ели весь день, а несли ответственную службу по уничтожению французского деликатеса. Алкогольный напиток особенно пришелся по вкусу Абдузакировой: она осторожно отпила, прищурилась, покрутила стакан и одобрительно кивнула, словно председатель государственной комиссии по проверке спиртных напитков.

На экране Мирзияев продолжал говорить: «Если мы создадим систему, которая будет больше пропагандировать национальную гордость, национальное самосознание, наше достоинство, позволит ценить сегодняшний мир и спокойствие, рассказывать о примере наших предков, отдавших свои жизни, думаю, это было бы правильно...»

Затем пошли кадры с изображением первого президента Ислама Каримова. На экране появилось его крупное лицо с заметными залысинами, тяжелыми чертами и напряженным выражением, а камера, казалось, специально задержалась на его неподвижном взгляде. Узкие глаза смотрели настороженно, губы были плотно сжаты, а лицо обладало той официальной неподвижностью, которая особенно хорошо получается у государственных портретов: человек вроде бы присутствует перед тобой, но одновременно словно уже превратился в памятник самому себе.

Ирина и Саодат смотрели на экран с совершенно иным выражением. Для них Каримов был не просто бывшим президентом, а частью той системы, которая когда-то определила их профессиональную биографию. Они воспринимали его почти религиозно, через особую систему государственных представлений, где начальник всегда мудр, приказ всегда своевременен, а прошлое при необходимости приобретает золотистый оттенок.

— Обожаю нашего первого президента, — вздохнула Абдузакирова. — Он дал нам независимость, подавил мятежи и принес права человека. Наша экономика стала развиваться с восемью процентами роста ВВП, и еще завалили нас иностранцы своими инвестициями...

Эту государственную арифметику Хожанова слышала не раз. Особого доверия к цифрам она не испытывала, но давно усвоила простое правило: чем убедительнее ложь и чем чаще ее повторяют по телевизору, тем проще человеку убедить самого себя, что именно так все и было. В конце концов, думала Ирина, если государство способно двадцать раз повторить одну и ту же цифру, почему гражданин должен портить себе настроение сомнениями?

— А я люблю Гульнару Каримову, — призналась она, откусывая лягушачью ножку и тут же закусывая ее печеным яблоком. — Жаль, что она в тюрьме. Я так любила ее песни. Настоящая она дизайнер, певица и дипломат.

— А где она сидит?

— В Занги-Ате, в женской колонии. Ее отец отправил туда на перевоспитание, хотя она и так воспитанная и культурная. Это не взятки же — это все инвестиции в нашу страну. Просто международное сообщество неправильно все поняло, — попыталась объяснить Ирина коррупционные дела дочери бывшего президента.

Саодат-опа задумчиво пожевала и не нашла в этом объяснении ни одного противоречия. В их профессиональной среде противоречием вообще считалось не то, что факты не сходятся между собой, а то, что кто-то вслух заметил их несоответствие.

В этот момент в помещение заглянул Камрад Азиз. Сначала он собирался лишь проверить обстановку, но, почувствовав запах еды, остановился на пороге. Его тыквообразная голова медленно повернулась в сторону стола, очки блеснули, а выражение лица стало таким, будто охранник только что обнаружил государственную тайну гораздо более привлекательную, чем та, которую ему полагалось охранять.

— А это что у вас? — спросил он.

— Лягушки, — ответила Ирина.

— Лягушки?!

Азиз произнес это слово с таким восхищением, словно ему предложили принять участие в дипломатическом банкете. Он быстро присел к столу, получил тарелку и через несколько минут уже ел вместе с ними. Камрад Азиз оказался человеком с завидным аппетитом: он умял пять лягушачьих ножек, несколько кусочков яблока, лепешку и закусил все это так, будто накануне проходил многокилометровый марш-бросок.

Наконец он откинулся на спинку стула и похлопал себя по вспухшему животу.

— Вот это служба! — удовлетворенно произнес он.

Затем наклонился к Ирине, чмокнул ее в щеку и, не успев получить заслуженного отпора, вскочил.

— До завтра, красавица!

Он направился к выходу, щелкая затвором ружья скорее для солидности, чем по необходимости, и вскоре его шаги затихли в коридоре. Ирина провела его взглядом, потом медленно повернулась к Саодат.

— Кажется, у меня появился поклонник.

— Молодежь нынче пошла, — ответила Абдузакирова. — Быстрая. Сначала ест, потом целует, потом уходит.

И обе снова принялись за ужин, тогда как старый «Рубин» продолжал вещать в углу, а огромный люк молча стоял перед ними, храня свою тайну.

Разговор о Камраде Азизе еще не успел окончательно угаснуть, когда Абдураззакова вдруг вспомнила кое-что из прошлого.

— До тебя одна крутила романы, а потом неожиданно вышла на пенсию, — сказала она, снова кивнув на письменный стол, который теперь по долгу службы принадлежал Хожановой. — Сразу с тремя охранниками и Кимом!

— С кем?

— Сержант-кореец... И ты тоже любишь крутить романы, милочка? — спросила Саодат и улыбнулась так, словно в этом вопросе было одновременно любопытство и плохо скрываемая зависть. Ей, как выяснилось, было особенно обидно провести столько лет на секретном объекте и не обзавестись ни одним поклонником. За все двадцать лет через этот бункер проходили сержанты, подполковники, курьеры, водители, проверяющие и какие-то загадочные люди с папками, но ни один из них не посмотрел на Саодат так, как Камрад Азиз посмотрел на Ирину. Впрочем, сама Абдураззакова считала, что дело было не в ее внешности, а в исключительно низком уровне интеллекта мужчин, которые ее окружали.

— Нет, просто все мужчины в меня влюбляются, — с притворным вздохом сказала Хожанова и скромно потупила глаза. — Прохода от них нет. Вот теперь этот малец хочет моего красивого тела...

Абдузакирова уважительно кивнула. Она не стала уточнять, где именно в необъятной фигуре коллеги располагалось то самое красивое тело, о котором шла речь. В государственном учреждении, особенно секретном, было принято не задавать лишних вопросов.

И тут обе женщины замолчали. Из-за люка донесся странный звук. Он был длинным, низким и протяжным, словно где-то далеко в глубине бетонного сооружения медленно запускался огромный механизм. Но в нем было что-то еще — не обычное гудение мотора, которое Саодат слышала раньше, а какой-то металлический стон, от которого казалось, будто само подземелье тяжело вздохнуло.

Саодат мгновенно перестала улыбаться. Она вскочила, отодвинув стул, и выхватила ТТ. Лицо ее побледнело, очки чуть съехали на переносицу, а рыбы губы сжались в тонкую бесцветную линию. Рука с пистолетом заметно дрожала, но ствол она все-таки направила прямо на люк.

Звук повторился. На этот раз он оказался сильнее. Металл глухо загудел, по стенам прошла едва заметная вибрация, и где-то в трубах отозвалось несколько мелких дребезжащих звуков.

Ирина тоже вскочила. Страх оказался настолько внезапным, что организм Хожановой решил воспользоваться давно приготовленным резервным планом, и женщина почувствовала, как в памперсе произошло чрезвычайное происшествие государственного значения. Однако Саодат оказалась собраннее. Она медленно двинулась вперед, выставив пистолет, переставляя ноги маленькими осторожными шагами.

Подойдя к люку, она остановилась. Огромная металлическая поверхность была холодной, неподвижной и совершенно безмолвной. Никаких щелей, движения или света из-под нее не было видно.

Ирина, немного осмелев, подошла ближе.

— Может, он заклинил? — прошептала она.

Абдузакирова не ответила. Тогда Хожанова протянула руку, взялась за рычаг и потянула его вниз. Рычаг неожиданно поддался.

Раздалось мощное шипение, затем глубокий гидравлический гул, и многотонная конструкция медленно начала уходить из проема. Старый советский механизм, которому, судя по всему, давно полагалось превратиться в грудку ржавого металла, вдруг заработал с такой уверенностью, словно его обслуживали еще вчера. Поршни заскрежетали, масло где-то внутри системы булькнуло, металлические направляющие завибрировали, и тяжелый люк плавно отъехал в сторону.

Саодат смотрела на открывшийся проход с выражением человека, который только что обнаружил, что двадцать лет охранял дверь, не зная, была ли она вообще заперта.

— Как?.. — выдохнула она. — Люк все это время был открыт?

Она медленно повернулась к Ирине.

— Ведь нужно ввести код в замок, а до этого согласовать разрешение с руководством.

Саодат указала на телефон.

— А кто дает разрешение? — тихо спросила Ирина.

— Не знаю, — призналась Абдузакирова. — Я еще ни разу ни с кем не общалась. Только говорила, что пост принят и пост сдан, а в ответ слышала мычание. Про разрешение ничего не знаю. И коды не знаю. Все эти годы я не трогала этот рычаг.

У нее задрожали ноги. Теперь Саодат уже не понимала, чего именно боится больше: того, что внутри находится нечто страшное, или того, что она двадцать лет формально охраняла объект, который можно было открыть одним движением руки.

Женщины посмотрели в проем. Там царилась чернота. Из глубины тянуло холодом, и этот холод словно выползал наружу сизоватым туманом, стелившимся по полу. Где-то далеко мерцали маленькие огоньки. Они появлялись и исчезали в темноте, напоминая звезды, хотя никакого неба здесь быть не могло. Скорее всего, это были индикаторы приборов.

— О боже, что ты наделала, — прошептала Абдузакирова, чувствуя, как недожеванная лягушка стремительно отправилась в желудок. — Что мы скажем руководству?

— А когда сюда заходило в последний раз руководство? — спросила Хожанова.

— Подполковник Надир Туракулов был здесь десять лет назад... и, говорят, полгода назад, но я была в отпуске, — ответила бывшая паспортистка, поправляя воротник униформы. Пистолет она по-прежнему держала перед собой.

И тут звук раздался снова. Теперь, когда между женщинами и неизвестностью не было многосантиметрового слоя стали, он оказался чудовищно громким. Гул прокатился по бункеру, перешел в низкую вибрацию и вдруг сменился прерывистым металлическим воем, будто огромная машина внутри помещения пыталась проснуться после многолетнего сна.

Ирина от неожиданности снова испачкала памперс. Саодат едва не нажала на спусковой крючок. Обе женщины молча смотрели в темноту. Наконец Абдузакирова, как старшая по возрасту и стажу, набрала воздуха в легкие.

— Надо посмотреть, что там... Что за странный звук... И доложить руководству.

Она посмотрела на телефон.

— А может, вначале позвонить? — предложила Ирина.

— Нет. Позвонить успеем. Нельзя тревожить руководство просто так. Нужна веская причина.

Ирина подумала и вынужденно признала, что в этом рассуждении была определенная логика. В государственных учреждениях звонок начальству без веской причины иногда действительно считался более опасным мероприятием, чем вход в неизвестный подземный объект.

— Хорошо. Тогда идем.

Они осторожно вступили внутрь. Ирина нащупала рукой выключатель на стене и щелкнула им. Мгновенно вспыхнула сотня плафонов — сначала один ряд, затем второй, третий, пока свет не залил огромное помещение. Женщины зажмурились, а затем медленно открыли глаза.

Перед ними находился гигантский подземный зал. Он действительно напоминал недостроенную станцию метро: высокие бетонные стены, толстые колонны, технические галереи и трубы, уходившие в темноту. Но вместо рельсов здесь стояли ряды огромных прозрачных емкостей. Их были сотни. Возможно, тысяча.

Каждая представляла собой массивную цилиндрическую бочку из толстого стекла, установленную на металлическом основании. По поверхности некоторых проходили трубки и кабели, рядом мигали индикаторы, а внутри емкостей медленно циркулировала прозрачная или слегка мутная жидкость.

И внутри каждой что-то было. Что-то плавало. Что-то двигалось. Ирина первой подошла к ближайшей емкости. Она остановилась перед стеклом и несколько секунд молчала. Внутри находилось человеческое тело.

Голое неподвижное тело мужчины, подвешенное в жидкости. Кожа была покрыта синяками и следами старых повреждений. На теле виднелись многочисленные гематомы и рубцы, а лицо застыло в таком выражении, будто смерть застала человека в момент сильнейшего страха. Ирина смотрела на него уже без прежнего любопытства. Она знала, как выглядят люди после жестких допросов, и профессиональная память мгновенно подсказала ей то, о чем лучше было не думать.

Над емкостью находилась металлическая табличка. «Агзамжон Кулиев, 10.03.1951 — 05.05.2005, Андижан».

— Это мертвец, — тихо произнесла Хожанова.

Саодат подошла ближе и застыла рядом с ней. Ирина провела взглядом по рядам стеклянных емкостей. Теперь она уже видела десятки табличек. Некоторые были покрыты пылью, другие блестели, словно их недавно протирали. На каждой стояли имена, даты и места.

— Похоже, это труп убитого ваххабита, — сказала она.

— Кого?

— Одного из тех, кто принимал участие в Андижанских событиях... Наверное, часть погибших похоронили, а часть привезли сюда. На хранение. Или на мясо. Или для опытов.

Она медленно подняла руку и указала на бесконечные ряды стеклянных емкостей. Саодат ничего не ответила. Впервые за двадцать лет ей стало понятно, что именно она охраняла. И от этого понимания ей стало гораздо страшнее, чем от любого неизвестного звука за люком.

Тут Саодат-опа хмыкнула и, отойдя на несколько шагов в сторону, остановилась перед крайней бочкой. В отличие от остальных емкостей, покрытых сероватым налетом пыли, эта выглядела почти нетронутой: стекло оставалось прозрачным, металлические крепления блестели, а на поверхности не было ни единой паутинки. Абдузакирова некоторое время молча смотрела внутрь, потом подняла пистолет и легонько постучала стволом по толстому стеклу.

— Добрыгалась, сучка! Вот и тебя замуровали...

Ирина подошла ближе и заглянула внутрь. В жидкости медленно покачивалось тело пожилой женщины. Она была худой, почти истощенной, с резко выступавшими скулами и впалыми щеками. Короткие седые волосы плавали вокруг головы, словно тонкие водоросли, а лицо застыло в выражении усталости, которое даже после смерти не исчезло. На ней сохранилась часть старой служебной одежды; ткань потемнела и местами потеряла первоначальный

цвет. На шее висел небольшой металлический жетон, а рядом с бочкой была прикреплена табличка с номером объекта.

Ирина несколько секунд всматривалась в женщину, словно пытаясь вспомнить.

— Кто это?

Саодат медленно повернула голову.

— Твоя предшественница.

Ирина нахмурилась.

— То есть?..

— Значит, ее не отправили на пенсию, как нам заявили, — произнесла Абдузакирова уже без прежней усмешки. — Ее... закатали в бочку.

Обе женщины замолчали. Теперь смысл странного выражения, которое годами ходило по коридорам различных ведомств, предстал перед ними буквально. «Закатать в бочку» — не фигура речи, не эвфемизм для увольнения, не тюремный жаргон и не очередная служебная метафора. Здесь, в этом подземном помещении, бюрократическая фраза обрела стеклянные стенки, металлические крепления и человеческое лицо. Те, кто когда-то произносил ее за закрытыми дверями, возможно, прекрасно понимали, что именно означают эти слова.

— А почему ее... закатали? — тихо спросила Ирина.

— Наверное, слишком много знала, — ответила Саодат-опа. — Или увидела то, чего видеть нельзя.

Хожатхона-ханум вдруг посмотрела на себя, потом на люк и снова на стеклянную емкость.

— А мы не узнали слишком много?

Впервые за всю службу в ОХОГ ей стало не смешно.

— Ведь об этом секрете я никогда не знала, хотя служила в ОБОБе.

— Я тоже, — призналась Саодат. — Сколько лет работала паспортисткой, потом здесь двадцать лет просидела — и ничего подобного даже не слышала.

Ирина уже собиралась что-то сказать, но вдруг заметила в соседнем ряду знакомое лицо. Она подошла к следующей емкости, протерла ладонью запотевшее стекло и удивленно прищурилась. Внутри находился мужчина лет тридцати с небольшим. Светлая кожа, русые волосы, тонкое лицо — судя по всему, славянин.

— Хм... Игорь Барский, — сказала она с таким видом, будто встретила старого знакомого в магазине. — Вот ты где.

Саодат подошла к ней.

— Ты его знала?

— Конечно. Мне дали задание его отравить.

Абдузакирова медленно подняла брови.

— Отравить?

— Правозащитник. Очень агрессивный, настойчивый, всем надоедал. Туракулов дал мне крысиный яд. Я подмешала его в суп, и Барский вскоре умер. Я, правда, думала, что после этого его похоронят где-нибудь тихо и без лишнего шума. А он, оказывается, оказался здесь.

— А разве не было вскрытия? Официальных похорон?

— Нет. Официально он исчез. Родственникам сообщили, что уехал в Туркменистан.

Ирина пожала плечами.

— А дальше уже спрашивайте с Туркменбаши или Аркадага Великого. А те никогда никаких ответов не дают... А мне за это продуктовый набор дали в качестве премии.

Саодат еще некоторое время смотрела на тело за стеклом, после чего медленно обернулась. Ее лицо изменилось: теперь на нем смешивались любопытство, ужас и какое-то профессиональное удовлетворение человека, который внезапно обнаружил давно потерянный архив.

— Значит, здесь хранят тела всех диссидентов, мятежников, правозащитников и журналистов?

— Похоже на то.

И словно в подтверждение их догадки из глубины бункера снова донесся тот самый протяжный звук. Он прошел по металлическим конструкциям гулкой вибрацией, отразился от бетонных стен и растворился где-то далеко в темноте.

Женщины вздрогнули. Теперь, когда толстый люк остался позади, звук слышался значительно отчетливее. Он был похож одновременно на тяжелый вздох огромной машины, на шипение старого паропровода и на медленное выдыхание чего-то, что слишком долго находилось в темноте. Где-то наверху коротко мигнула лампа, а затем снова загорелась ровным желтоватым светом. Из вентиляционного канала потянуло холодным воздухом.

— Система выдыхает, — предположила Абдузакирова. — Или давление сбрасывает. За десятки лет без обслуживания любой агрегат начнет капризничать.

— А если это не агрегат? — спросила Ирина.

Саодат посмотрела на нее.

— Не говори глупостей.

Однако сказала она это без прежней уверенности.

— Идем дальше.

Они двинулись по проходу, и теперь Хожатхона-ханум читала таблички одну за другой. На некоторых стояли даты 1940 года и аббревиатура НКВД СССР. На других сохранились выцветшие номера, заводские клейма и советские технические обозначения. Получалось, что объект существовал еще со сталинских времен, а позднее его неоднократно перестраивали, расширяли и приспособляли для новых государственных тайн.

Но самое странное заключалось в другом: даты на емкостях продолжались далеко за пределами 1940-х и 1950-х годов. Среди старых табличек встречались годы после 1991-го.

Ирина остановилась.

— Значит, это не просто советский архив.

— Похоже, нет.

— Это уже коллекция времен независимости.

Саодат кивнула.

— Враги Ислама Каримова, — задумчиво произнесла Ирина. — Значит, наш первый президент хранил их здесь.

Абдузакирова оглядела бесконечные ряды стеклянных емкостей и вдруг хихикнула:

— Да, славная коллекция! Капитан Бокасса из Центральноафриканской Республики, говорят, жрал своих врагов, а наш первый президент всего лишь коллекционировал!

Собственная шутка показалась ей настолько удачной, что Саодат-опа расхохоталась. Ее смех, сухой и резкий, заметался под бетонным потолком, будто помещение само не знало, как реагировать на услышанное. Ирина сначала посмотрела на нее с недоумением, а потом тоже не выдержала и засмеялась.

Через несколько секунд две женщины уже хохотали посреди подземного хранилища, среди стеклянных бочек, старых табличек и молча застывших человеческих тел. Их смех звучал здесь особенно нелепо — слишком громко, слишком весело и совершенно неуместно. Но именно это, вероятно, и нравилось им больше всего: за стенами оставался обычный мир со своими праздниками, речами, юбилеями и торжественными лозунгами, а здесь, внизу, существовал совершенно другой государственный музей — без экскурсий, без каталогов и без единого посетителя. Только две женщины, которым наконец стало понятно, что именно они охраняли все эти годы.

— Ладно, пойдем посмотрим, что там так шумело, потом напишем докладную, — успокоившись, сказала Абдузакирова. Она убрала ТТ в кобуру и двинулась дальше, машинально

постукивая пальцами по стеклянным бочкам. От каждого прикосновения по толстому стеклу разбегался глухой металлический звон, а жидкость внутри едва заметно колыхалась.

Теперь картина постепенно складывалась. Перед ними находился своеобразный вивариум политических врагов — сначала советской власти, затем режима Ислама Каримова. Правда, слово «вивариум» было здесь несколько странным: в научных учреждениях содержали живых существ для наблюдений, а здесь государство, судя по всему, предпочитало работать с теми, кто уже перестал подавать признаки жизни. Но раз Шавкат Мирзияев после прихода к власти не ликвидировал это учреждение, значит, оно зачем-то понадобилось и новой администрации. «Конечно, у каждого государства есть враги, — рассуждала Хожатхона-ханум. — Почему бы их не коллекционировать? Одни собирают марки, другие — монеты, а государство собирает людей». В своей системе нравственных координат она находила в этом даже некоторую практичность.

Впрочем, многое действительно осталось по-прежнему: существовали черные списки, продолжал функционировать ОБОБ, в милицеских кабинетах по старой привычке добывались признаний, прокуратура по-прежнему умела превращать подозрение в обвинение, а спецслужбы сохраняли свои многочисленные тайны. Государственная машина меняла вывески, портреты на стенах и формулировки в официальных документах, но ее старые механизмы продолжали работать с завидным постоянством. Награды, премии и почетные грамоты по-прежнему доставались тем, кто особенно усердно защищал государство от собственных граждан.

В помещении становилось все холоднее. Воздух был сухим и тяжелым, а от многочисленных металлических конструкций исходил такой холод, будто где-то рядом находился огромный холодильник промышленного масштаба. Женщины, занятые своими открытиями, не замечали странностей. А между тем в нескольких емкостях глаза мертвецов были открыты. Стеклянные поверхности отражали лампы, и поэтому сначала казалось, что это всего лишь игра света. Но когда Ирина проходила мимо, зрачки в некоторых застывших глазах словно медленно смещались вслед за ней.

Вскоре женщины добрались до агрегата, который, по всей видимости, являлся сердцем всей системы. Он занимал почти целую стену и выглядел так, словно его собрали из деталей холодильной станции, паровоза и старой подводной лодки. Толстые трубы уходили от него в потолок, затем расходились по помещению и соединялись с отдельными емкостями. На корпусе сохранились советские таблички с предупреждениями, часть которых была покрыта ржавчиной. Из одного вентиля сочилась вода, с другого выходил холодный белесый туман. Компрессор работал рывками: сначала низко гудел, потом словно захлебывался, после чего внутри корпуса раздавался тяжелый удар.

Абдузакирова достала тетрадь и стала записывать наблюдения, стараясь придать происходящему вид обычной хозяйственной неисправности.

— Семнадцать сорок две, — пробормотала она. — Посторонний гул. Семнадцать сорок три — удар внутри агрегата. Семнадцать сорок четыре — утечка пара. Или газа. Или еще чего-нибудь.

— А если взорвется?

— Тогда напишем в докладной, что взорвалось.

Она подошла ближе и прислушалась. Гул стал прерывистым: «у-у-у-у... кхр-р... бум». От вибрации дрожали трубы, а жидкость в ближайших емкостях покрывалась мелкой рябью.

— Там что-то пробито, — сердито сказала Саодат, поднимая глаза к потолку, где над ними переплетались десятки труб. — Оттуда капает и выходит туман. И звук такой... будто паровоз решил подать гудок в могиле.

— Что именно пробито?

— Не знаю. Надо встать на бочку и посмотреть.

Абдузакирова поставила ногу на основание ближайшей емкости, ухватилась за металлический кронштейн и начала осторожно карабкаться вверх. Она уже почти достигла верхней части, когда вдруг посмотрела вниз, под ноги.

Раздался короткий вскрик. Саодат мгновенно прыгнула на пол и отшатнулась. Лицо ее изменилось настолько резко, будто кто-то одним движением стер с него весь прежний скепсис. Глаза расширились, губы задрожали, а рука с пистолетом бессильно опустилась. Она указывала вперед пальцем и мелко тряслась; уголок рта дергался, и слюна выступила на губах. Несколько секунд она не могла произнести ни слова.

Ирина удивленно посмотрела туда же. И замерла. Перед ними находился человек, которого она видела тысячи раз на портретах, плакатах, фотографиях, в газетах и на телевизионных экранах. Не просто известный человек, а фигура, вокруг которой была построена целая политическая эпоха. Его портрет висел в государственных учреждениях, его именем назывались улицы и предприятия, его речи цитировали школьники и чиновники, а официальная история представляла его как основателя независимого Узбекистана.

В стеклянной емкости плавал Ислам Каримов. Даже после смерти лицо оставалось узнаваемым: широкое, тяжелое, с припухшими веками, тонкими бровями и характерной линией губ. Кожа выглядела бледной и восковой, местами покрытой пятнами посмертных изменений. Тело было обнажено и неподвижно, погруженное в прозрачную жидкость, а над головой виднелась табличка с номером 10238 и датой помещения в хранилище — 30 августа 2016 года. Никакого парадного костюма, никакого ордена, никакой трибуны и государственного флага — только стекло, холодный свет и абсолютная тишина. Ирина заметила, что Каримов был покрыт густыми волосами на спине и на бедрах, живот распухший, словно труп беременный, а ноги коротковатые и кривые, ступня большая, почти 48 размера.

Для обычного человека зрелище было бы страшным. Для Ирины и Саодат оно оказалось почти религиозным. Перед ними лежал тот, кому они в своей профессиональной жизни приписывали почти сверхъестественное значение. Их представления о государстве, власти и собственной полезности выросли из той эпохи, поэтому человек за стеклом казался им не просто покойником, а застывшим символом целого государства.

— Он н-настоящий? — дрожащим голосом спросила Хожанова.

— Думаю, что да, — ответила Абдузакирова.

Ирина подошла ближе, почти прижавшись лицом к стеклу.

— Значит... тогда, третьего сентября 2016 года, в Самарканде похоронили в Шахизинде... кого?

Бывшая паспортистка некоторое время молчала.

— Думаю, двойника.

— Двойника?

— Я когда-то слышала от одного любовника из охраны Каримова, что у него был двойник. Не знаю, правда это или очередная служебная байка. Но если настоящий Каримов лежит здесь, значит, кого-то другого действительно могли похоронить с государственными почестями. Вначале умертвили...

Ирина медленно повернула голову к ней.

— Зачем?

— Вот этого я не знаю.

— Но здесь ведь хранят врагов государства! А Каримов — отец нации. Лидер государства. Первый президент. Его портреты висели повсюду!

— Мы не знаем, что происходит в головах людей наверху, — тихо ответила Саодат. — После его смерти началась борьба за власть. Мирзияев стал исполняющим обязанности президента. Были сторонники, были противники, были люди, которые знали слишком много. В такой ситуации тело первого президента могло оказаться не просто телом.

Она посмотрела на стеклянную емкость, затем на бесконечные ряды остальных.

— Труп — это тоже символ. Иногда даже более удобный, чем живой человек. Живой может говорить, спорить, менять мнение. Мертвый — нет. И символом можно пользоваться в политических целях, — сама того не понимая, бывшая паспортистка говорила вполне разумные и логичные вещи.

Ирина медленно кивнула. Теперь она начинала понимать, почему десять лет назад сюда приезжал Туракулов. Тележка. Трое сотрудников СНБ. Закрытый объект. Никаких записей в обычных журналах. И дата — конец августа 2016 года.

— Значит, вот кого он привез, — прошептала Хожанова. — Тело нашего вождя. Не стали строить Мавзолей как Ленину, а заморозили здесь...

Саодат ничего не ответила. Где-то за ними снова загудел старый агрегат, затем внутри труб прогремел тяжелый удар. Лампы на потолке на мгновение мигнули, и в полумраке стеклянные бочки одна за другой блеснули холодными отражениями.

А потом Ирина заметила то, чего раньше не замечала: в нескольких емкостях рядом с ними глаза мертвецов были открыты. И на этот раз ей совершенно точно показалось, что один из зрачков медленно повернулся в ее сторону.

Она подошла к ближайшей бочке, намереваясь проверить, действительно ли ей показалось движение, и вдруг резко остановилась. Лицо ее вытянулось, а пальцы сами собой вцепились в край мундира.

— Саодат, посмотри, — тихо сказала она.

Та послушно подошла и тоже замерла. В прозрачной емкости, освещенной сверху холодным светом лампы, находилась молодая женщина. Она плавала в жидкости почти неподвижно, и только легкое колебание воды заставляло ее волосы медленно шевелиться вокруг лица. Но даже сквозь стекло, мутное от времени и конденсата, черты казались знакомыми.

Саодат прищурилась.

— Гугуша?

— Да. Это Гульнара Каримова, — уверенно ответила Хожанова. — Но разве она не в колонии?

Абдузакирова пожала плечами и снова посмотрела на бочку.

— Судя по всему, там либо двойник, либо артист, исполняющий ее роль.

— Артист?

— А почему нет? Государственный театр у нас большой, спектакли идут десятилетиями. Может, там и вовсе специальная постановка для родственников и иностранных наблюдателей. Поэтому к ней и не подпускают кого попало — ни детей, ни мать, ни швейцарского адвоката. А настоящая Гульнара, выходит, здесь.

Ирина приблизилась к стеклу. На пальцах женщины действительно сохранились золотые кольца, а в ушах поблескивали серьги с крупными камнями. Даже здесь, в холодном подземном хранилище, среди металлических труб и технических агрегатов, драгоценности выглядели вызывающе празднично, словно их обладательница собиралась не в последний путь, а на дипломатический прием.

— Вот это я понимаю, — прошептала Хожанова. — Даже после смерти — при параде.

— Дочь великого человека, — с важностью произнесла Саодат. — Женщина, которая своими деяниями прославила Узбекистан.

В этот момент тело внутри емкости неожиданно дернулось. Обе женщины несколько секунд стояли неподвижно. Затем раздался вопль:

— А-а-а-а!

Они одновременно бросились к выходу из вивариума, забыв и про секретный объект, и про должностные инструкции, и про все государственные тайны, которые еще минуту назад казались им важнее собственной жизни. Абдузакирова чуть не потеряла ботфорды, а Ирина,

запутавшись в собственных ногах, едва не врезалась в ближайшую бочку. За их спинами снова послышался глухой удар агрегата, после чего холодный воздух прошелся по помещению, словно кто-то невидимый сделал глубокий вдох.

Выбежав в дежурную комнату, Ирина рухнула на стул и несколько секунд пыталась отдышаться. Потом ее желудок решил самостоятельно участвовать в расследовании. Она согнулась пополам и ее вырвало прямо в тарелку, оставшуюся на столе после ужина. Непереваренные кусочки лягушек, яблок и соуса смешались в довольно своеобразную композицию, которую даже самый смелый французский кулинар вряд ли решился бы назвать новым блюдом. Хожатхона-ханум, закрыв глаза, тяжело дышала и время от времени вытирала рот рукавом.

— Все, — простонала она. — Больше никаких лягушек.

Саодат в это время переживала приступ паники совершенно иначе. Она метнулась к старому телевизору «Рубин», словно надеялась найти там спасение, но запнулась о провод, потеряла равновесие и со всего размаху ударилась головой о телевизионный корпус. Старый аппарат содрогнулся, экран мигнул, внутри что-то громко щелкнуло, и изображение окончательно исчезло.

На черном экране еще несколько секунд отражались две перепуганные женщины, а затем телевизор превратился в обычный пыльный прямоугольник с трещиной на стекле.

— Выключился, — пробормотала Абдузакирова, потирая лоб. — Совсем.

— Ты его убила, — тяжело произнесла Ирина.

— Я его не убила. Он сам умер.

Еще минуту назад из динамика доносился торжественный голос диктора. Документальный фильм рассказывал о президенте Исламе Каримове, о его государственной деятельности, исторической роли и великих достижениях. Диктор говорил академическим, безупречно уверенным голосом человека, которому не требовалось ничего доказывать: прошлое уже было тщательно отредактировано, разложено по полкам и снабжено правильными выводами. Теперь же на экране застыла чернота.

А где-то совсем рядом, за массивным люком, продолжал работать древний холодильный агрегат, поддерживая температуру в огромном подземном хранилище. На одной из емкостей, оставшейся в темноте, белела табличка: № 10238. Ислам Каримов.

И впервые за всю ночь ни Ирина, ни Саодат не решились произнести вслух, что именно они только что увидели.

Глава 4. Тело за номером 10238

Они смотрели друг на друга, не в силах пошевелиться. Животный страх, тот самый первобытный страх, который не требует ни образования, ни служебного стажа, ни знакомства с уголовным кодексом, одновременно овладел обеими женщинами. Тощее тело Абдузакировой тряслось мелкой дрожью, словно отбойный молоток, который безжалостно крошит бетон. Ее плечи ходили ходуном, очки сползли на кончик носа, а костлявые пальцы судорожно цеплялись за край стола. Ирина же тяжело дышала и смотрела на тарелку, куда совсем недавно вернулось содержимое ее желудка. Среди лягушачьего мяса, яблок и томатного соуса по-прежнему торчала недоеденная лапка, придавая происходящему совершенно сюрреалистический вид.

— Они живы?

— Кто «они»? — переспросила Саодат, хотя прекрасно понимала, о ком речь. Бывшая паспортистка, всю жизнь кормившаяся с государственного корыта и привыкшая не задавать лишних вопросов, теперь с трудом могла уложить увиденное в привычную картину мира. В ее представлении государственные учреждения могли быть строгими, тайными, жестокими, абсурдными, но они все-таки должны были подчиняться некоторой логике. А здесь логика закончилась где-то возле стеклянной бочки номер 10238.

Хожатхона-ханум не позволила ей спрятаться за служебной тупостью.

— Ты знаешь, кого мы видели! Ислам Каримов и Гульнара Каримова! Это настоящие тела! Это трупы!

Саодат провела языком по пересохшим губам и прошептала:

— Какие они трупы, если шевелятся?

Она сама словно испугалась собственных слов и еще сильнее передернулась.

— Они живы. Просто... закатаны в бочку!

Последние слова она произнесла почти беззвучно. Теперь выражение, которое десятилетиями существовало в служебном жаргоне как мрачная фигура речи, приобрело перед ней буквальный смысл. Не увольнение, не исчезновение, не перевод в неизвестное место, а настоящее физическое заключение человека в огромную стеклянную емкость, наполненную какой-то холодной жидкостью. Причем, судя по движению глаз, человек внутри мог оставаться живым.

Это уже было не из области слухов, секретных приказов и ведомственных баек. Это было перед ними.

— Наверное, это ошибка, — сказала Ирина после долгого молчания.

— Что?

— Закатывают в бочку врагов. А мы видели настоящих патриотов! Нашего первого президента Ислама Каримова и его дочь, принцессу Гугушу! Значит, это сделали враги!

Старая паспортистка медленно повернула к ней голову.

— Какие еще враги?

— Ну... враги государства.

— Хожанова, ты сама слышишь, что говоришь?

Ирина задумалась. Получалось неудобно: врагами можно было объявить кого угодно, но для этого требовалось хотя бы знать, кто именно совершил преступление. А здесь преступление, судя по всему, совершили люди, которые сами управляли системой.

— Не знаю, — призналась она.

Тут Абдузакирова, кашлянув, поправила сползшие очки и попыталась вернуть своему голосу прежнюю уверенность.

— Закатать в бочку — это право только сотрудников СНБ. То есть, насколько я понимаю, только у них существовала такая технология. Наверное, еще с советских времен досталась. Секретная техника, секретные инструкции, секретные специалисты...

Она запнулась и посмотрела в сторону темного прохода.

— Но если Каримов и его дочь оказались здесь живыми, значит, кто-то либо очень сильно нарушил правила, либо мы вообще ничего не понимаем в том, что происходит.

Ирина медленно поднялась со стула. На ее лице появилось выражение человека, которому только что пришла в голову мысль, способная перевернуть все его представления о собственной работе.

— Саодат-опа...

— Что?

— А если это не хранилище мертвых?

Абдузакирова молча смотрела на нее. Ее губы нервно подергивались.

— А если это... хранилище живых?

Ирина медленно посмотрела в сторону люка. За бетонной стеной снова слышалось низкое гудение. Потом что-то металлически щелкнуло, и по коридору прокатился протяжный звук работающей установки.

Теперь обе женщины понимали: в этом бункере находились не просто мертвые тела. Если их догадка была верна, здесь хранились люди, которых государство объявило исчезнувшими, умершими или отправившимися куда-то за границу. И самое страшное заключалось в том, что некоторые из них, возможно, вовсе не были мертвы.

— Я думаю, что произошла чудовищная ошибка, — медленно сказала она.

— В чем ошибка?

— Каримов не умер. Помнишь, что человек засыпал... ну, летаргический сон, а окружающие думали, что он умер и потом хоронили. А человек просыпался, но уже в гробу и под землей. Говорят, что так заснул писатель Гоголь, а когда вскрыли могилу, то оказалось, что тело было в неестественной позе, словно он хотел выбраться наружу...

У Абдузакировой перехватило дыхание.

— То есть кто-то по ошибке, причем врачебной ошибке, принял сон Каримова как смерть и его закатали в бочку? На самом деле он жив? Но тогда кого похоронили в Шахи-Зинда?

— Может, там был манекен? Кукла? Ведь никто лица трупа не видел. Хоронили по мусульманским традициям, не в гробу, а тело полностью укутано в саван, покрыто бархатным покрывалом...

— Но зачем?

— Не знаю. Может, хотели оживить Каримова?

И тут старая и тощая паспортистка предположила:

— Может, это консервация тел для последующего оживления? Ведь, говорят, что Сталин вложил миллиарды рублей, чтобы человеку не просто продлить жизнь, но и оживить после смерти, дать вторую жизнь...

— Не знаю, Саодат... Но Каримов жив! Жива и Гульнара! — и тут Ирина приблизилась к коллеге. — Мы должны исправить ошибку!

— Какую?

— Надо вернуть Ислама Каримова!

От таких слов старая паспортистка бессильно села на стул и задрожала еще сильнее. Ее тощее тело ходило ходуном, будто швабра, зажатая в руках разгневанной уборщицы, но в конце концов она совладала со своими чувствами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.